

БОРЦЫ
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
НА АЛТАЕ

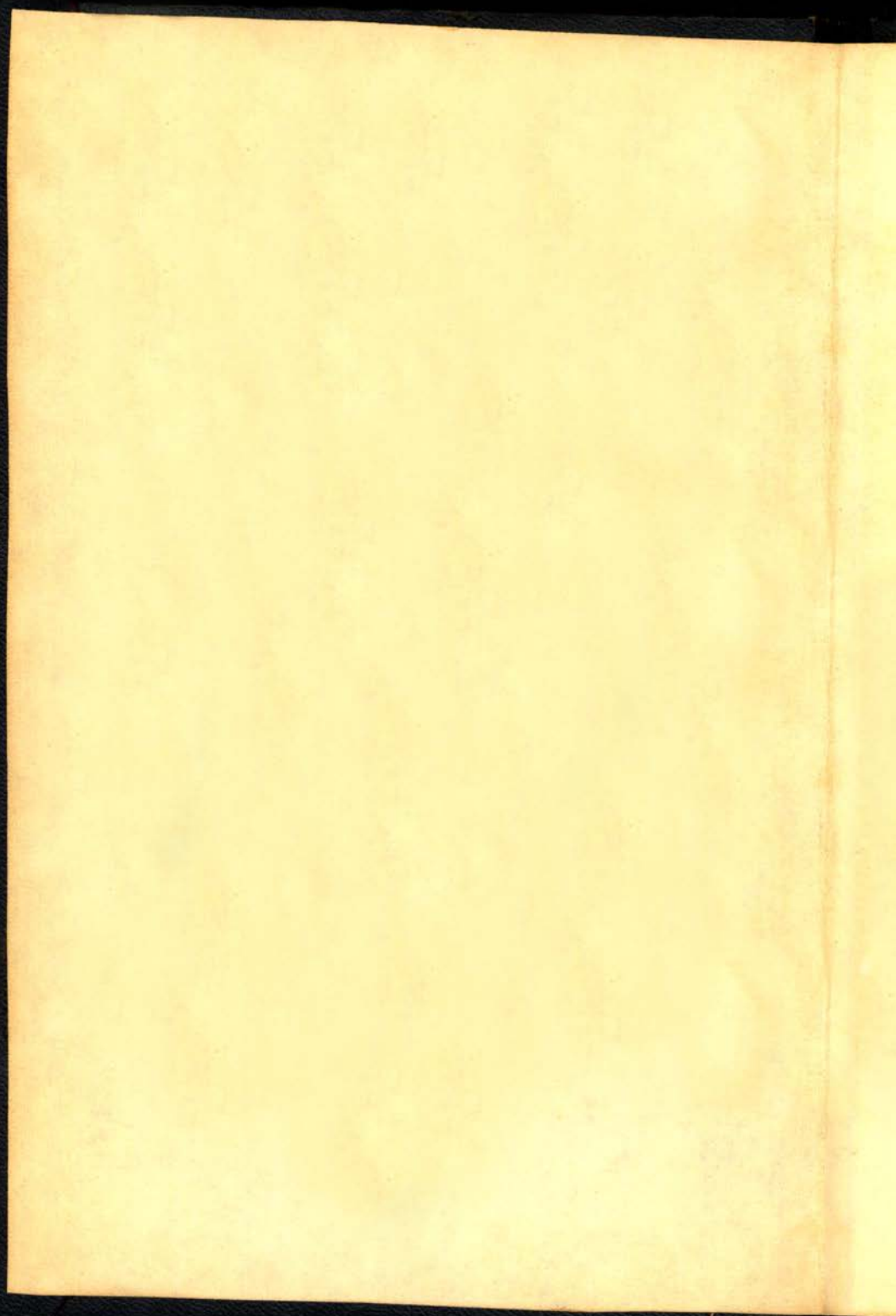

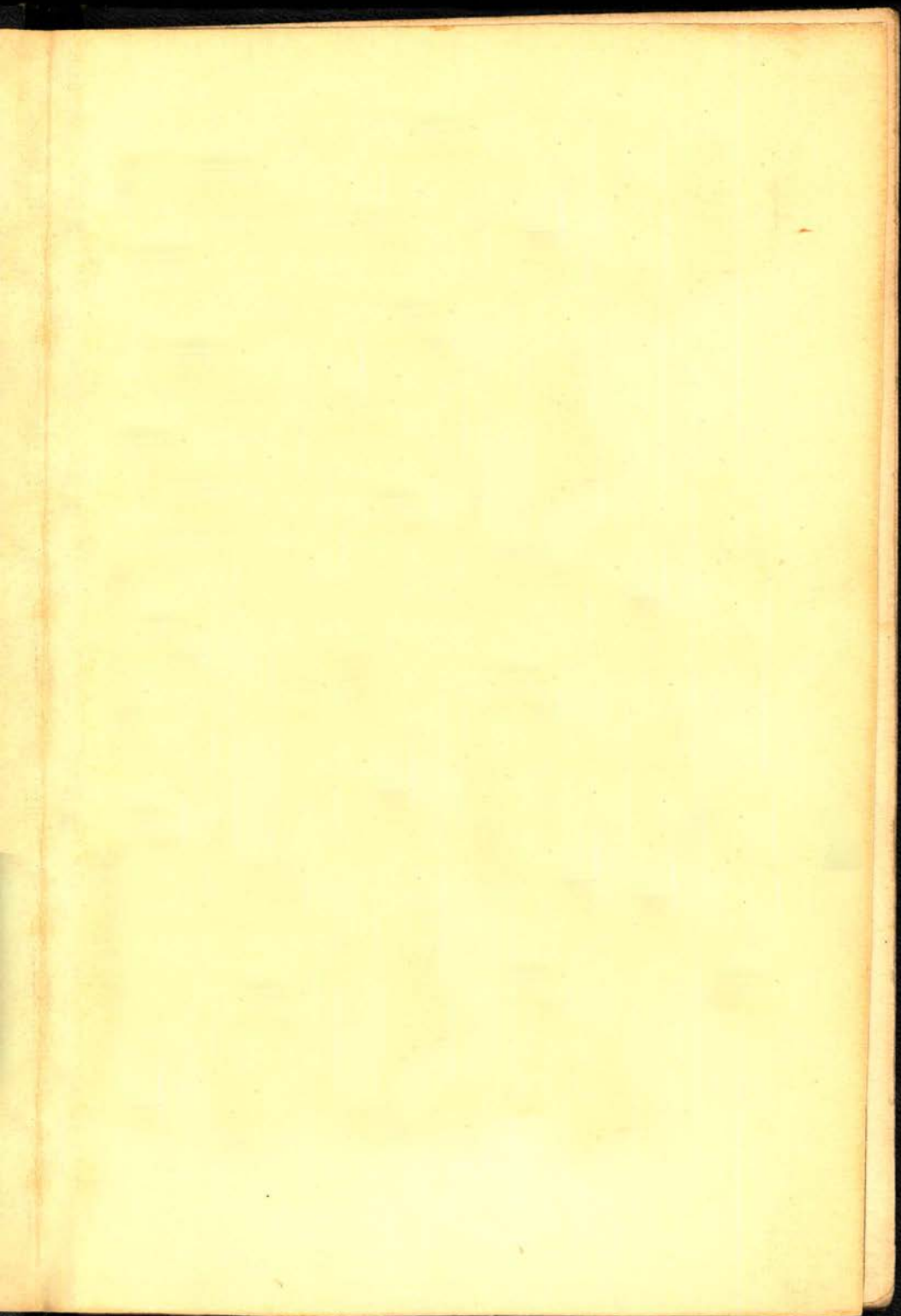
П. Горюшкин

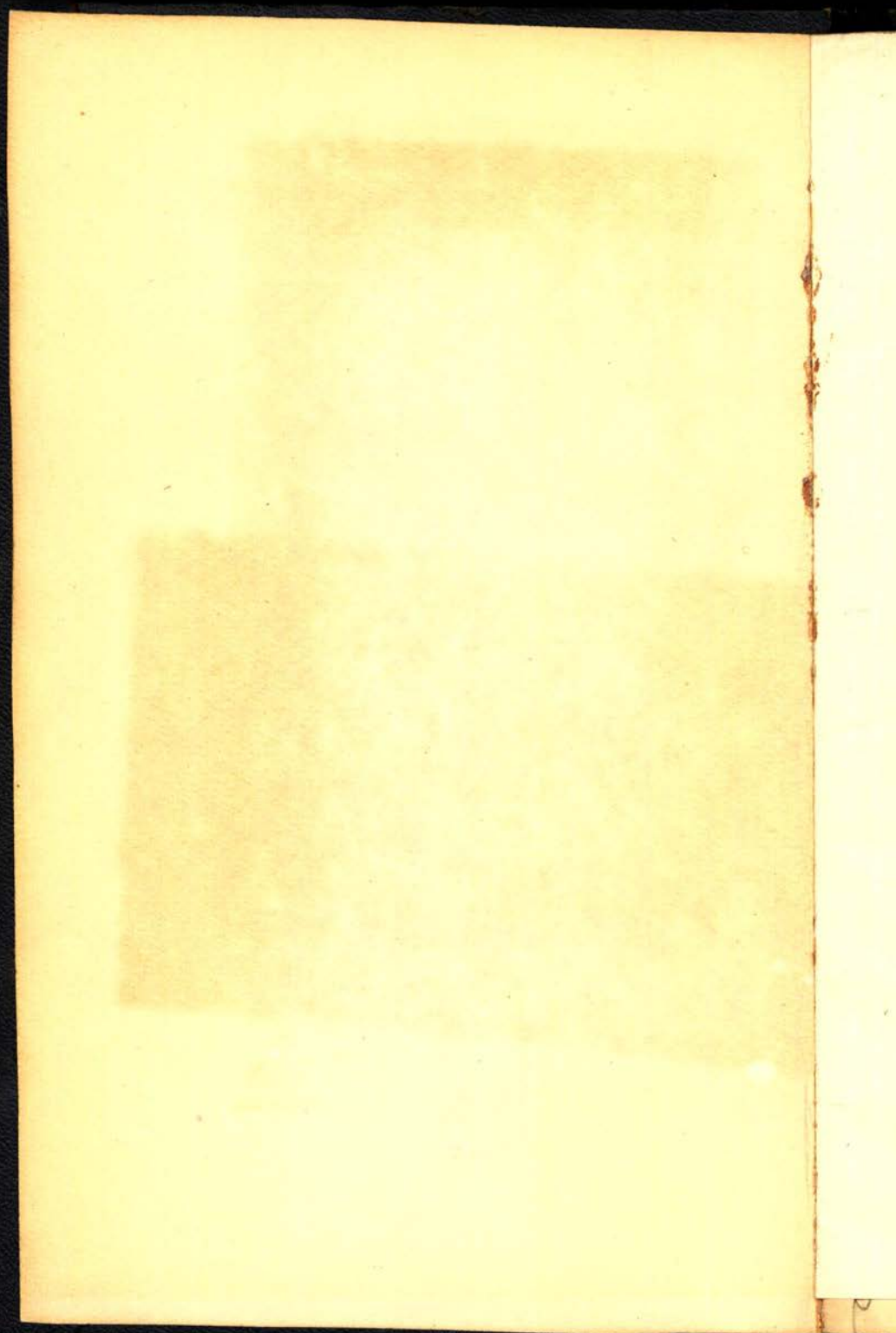
М. К. ЦАПЛИН

Барнаул 1959

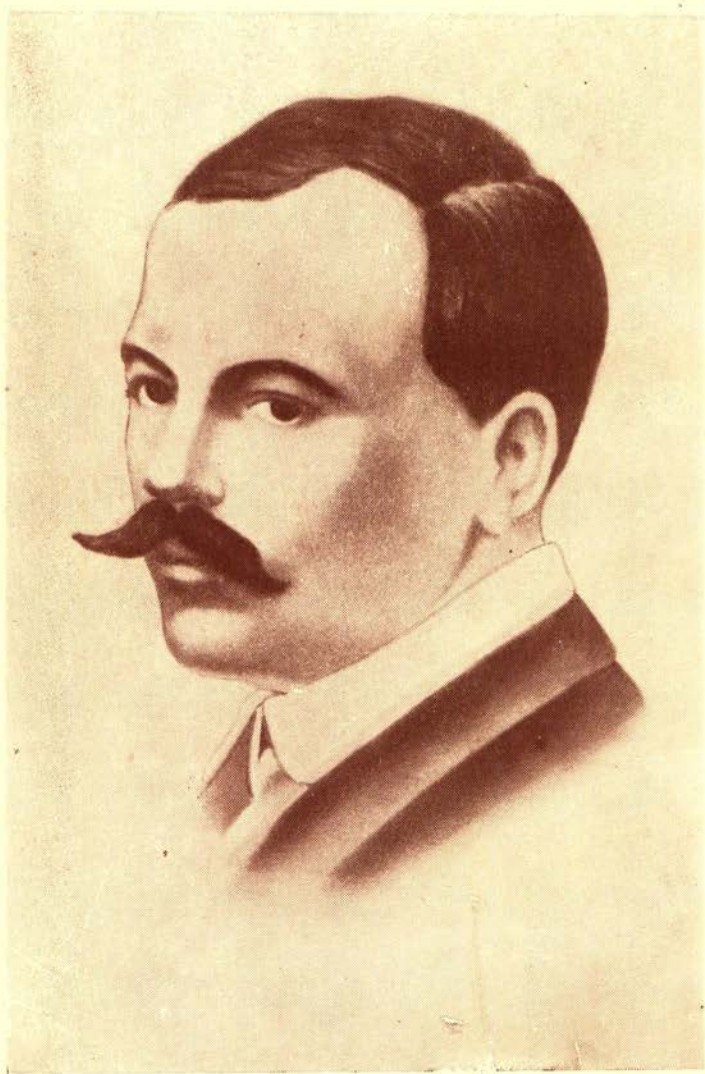

天

十

天

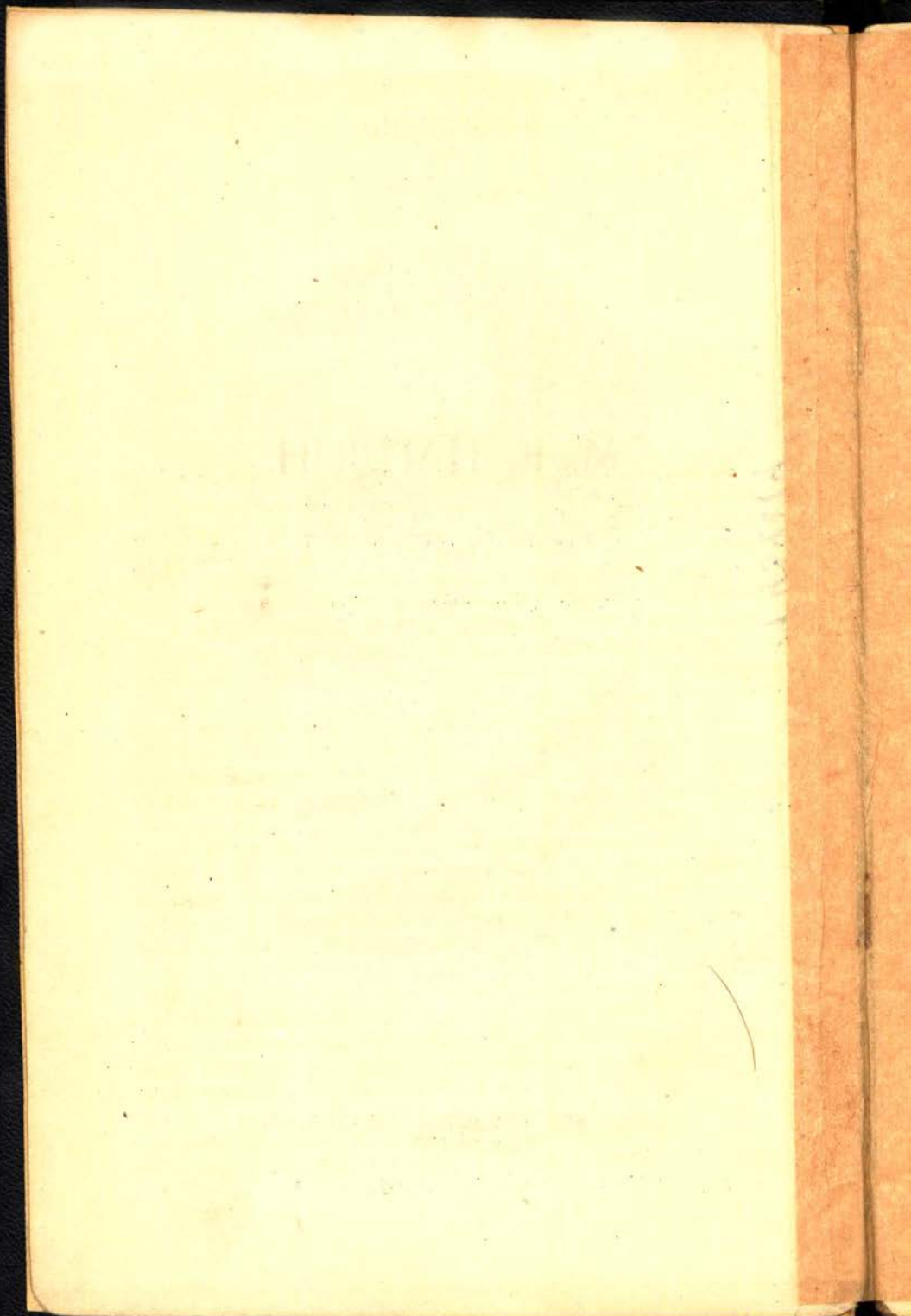
Матвей Константинович Цаплин

П. БОРОДКИН

М. К. ЦАПЛИН

Литературно-биографический очерк

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1959

ОТ АВТОРА

В основу литературно-биографического очерка о замечательном борце за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Алтае Матвее Константиновиче Цаплине легли архивные материалы, письменные и устные воспоминания, письма самого Цаплина и его ближайших боевых товарищей, а также немногочисленные публикации о его жизни и деятельности.

Вся сознательная жизнь Цаплина является примером героического служения революционному долгу, бессмертным идеям ленинизма.

Как революционер-ленинец, Цаплин формировался на первых порах под непосредственным влиянием М. В. Фрунзе, позднее, в годы Нарымской ссылки, он знакомится с другим выдающимся деятелем большевистской партии Я. М. Свердловым.

Высокие революционные и партийные качества большевика Цаплина особенно проявились на Алтае во время подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, мирного строительства после ее победы и борьбы против контрреволюции в мае — июне 1918 года.

Возглавляемые Цаплиным Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционный комитет по существу являлись создателями Советской власти в масштабах Алтайской губернии и ее фактическими представителями в течение сравнительно продолжительного времени.

Алтайская губернская партийная организация большевиков, ее руководитель И. В. Присягин видели в Цаплине

пламенного революционера ленинского типа, талантливо-го организатора трудящихся масс. Цаплин находился всегда на переднем крае борьбы за торжество Советской власти, возглавлял те участки этой борьбы, где встречалось больше всего трудностей.

К сожалению, сохранившиеся документальные и другие источники далеко не полностью раскрывают многогранную революционную, партийную деятельность Цаплина.

Настоящий очерк является попыткой дать возможно полный показ Цаплина — революционера-большевика.

На примере героической жизни Матвея Константиновича Цаплина советские люди, особенно наша молодежь, должны учиться бескорыстному служению социалистической Родине, борьбе за достижение светлых вершин коммунизма.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

За поворотом дороги, совсем близко, неожиданно выросли фабричные трубы Шуи — промышленного города Владимирской губернии.

Одинокий путник — паренек лет восемнадцати — остановился в нерешительности. Раньше ему доводилось бывать в городе: еще малышом приезжал на рынок вместе с отцом, а позже учился в городской школе. Но сейчас он шел в город на поиски заработка, поэтому им овладело незнакомое чувство робости и тоскливого одиночества перед лицом неизвестности.

Паренек присел на траву у края дороги, медленно и нехотя снял лапти и обулся в старенькие, потрескавшиеся туфли со стоптанными каблуками.

После недолгого раздумья, вспомнив про мать, которая осталась с семьей в деревне после смерти отца, он тряхнул копной темно-русых волос, придирчиво осмотрел свое немудреное одеяние и решительно двинулся вперед. В городе у паренька не было ни родных, ни знакомых, поэтому он шел по улицам несмело, озирался чуть не на каждом шагу, часто останавливался и подолгу разглядывал дома.

На одной из улиц возле большого дома с облупившейся от времени вывеской «Контора Шуйского механического завода» стояли несколько человек в замасленных блузах и громко разговаривали, отчаянно размахивая грязными, обнаженными по локоть руками.

— Опять вычет за штраф!

— Мне за работу в праздничные дни уплатили не полностью.

— И когда только рабочая копейка ребром в хозяйском горле станет!

Пожилой рабочий с русой бородой, свалывшейся от масла и грязи, густым баском перебил товарищей и вразумительно сказал:

— Хватит, братцы! Пошумели, а толк какой? Не так надобно бороться за свое, рабочее!

Паренек долго и с интересом слушал разговоры рабочих.

— Видно, и здесь не сладко живется простому люду, — заключил он про себя и направился было прочь в бесцельное шатанье по городу, но тот же басок остановил его:

— Стой, деревня! Аль наш разговор не по душе пришелся?

Паренек растерянно оглядел себя и от неожиданности сразу не нашелся, что ответить.

— Чего ворочаешь глазами! — полушутливо, полусерьезно сказал рабочий. — Вижу, на тебе и рубашка ситцевая, хоть и не новая, пояском перехвачена, туфлишки на ногах какие ни на есть, брюки навывпуск, а вот за спиной — ни дать ни взять деревня: мешок холщовый на лыковых веревках!

Рабочий беззлобно засмеялся и совсем дружелюбно продолжал:

— Ничего, брат, оботрешься! Я тоже пришел сюда в лаптишках двадцать пять лет назад... Чай, на заработки из деревни-то утек?

По тону разговора паренек понял, что над ним не смеются, а скорее проявляют участие к его судьбе, и без малейшего следа недавнего замешательства утвердительно, с достоинством ответил:

— Работать думаю!

Рабочий согнал с лица улыбку, сказал серьезно:

— Надумал ты неплохо: в нашем полку прибавится. Только с работой нынче туговато. — Помолчав немного, он спросил: — А с грамотешкой как?

— Четырехклассную городскую школу кончил.

— Ого-го! Грамотей, выходит, ты! — восхищенно воскликнул рабочий. — Чей, откуда будешь?

— Цаплин Матвей, из села Сергеевки, здешнего уезда.

— Знаю, знаю! Бывал не раз там. Знакомы будем: Кирьянов Сергей Петрович, попросту дядя Сергей. Меня здесь все так зовут. — Кирьянов крепко, до хруста и бо-

ли в пальцах, сжал руку нового знакомого, а затем под одобрительный гул товарищей сказал решительно и просто:

— Вот что, Матвей, без поручательства тебя никто не примет на работу. Пойдем в контору, замолвлю слово. Так и так, мол, господин приказчик, не откажите в просьбе за приехавшего родственника. Только помни, приказчик — тугая жила, при найме копейку будет выжимать...

При помощи Кирьянова Цаплину удалось устроиться рабочим на завод с оплатой 50 копеек в день, стать на квартиру. Для него началась совершенно новая жизнь, строго размеренная и вместе с тем полная суеты и постоянных забот.

Ранним утром протяжно ныл гудок. Матвей поспешно вставал, умывался, на ходу завтракал краюхой хлеба с солью. На улице он смешивался с толпами спешивших рабочих, через несколько минут исчезал в черной пасти заводской проходной. Начинался напряженный двенадцатичасовой рабочий день.

Прошло несколько недель. Матвей Цаплин за это время завел знакомства со многими рабочими, настолько свыкся с новой обстановкой, что недавнее прошлое казалось ему давно минувшим в жизни. Один случай создал Цаплину известность среди рабочих его цеха.

Дело было так. В цех пришел приказчик по расчетам, чтобы начислить рабочим заработок за неделю. Матвей внимательно наблюдал, как он почти неуловимо бойко щелкал костяшками счет, когда подсчитывал заработок пожилому неграмотному Колосову. Молчаливый, обремененный большой семьей, Колосов работал вдвойне прилежно, но зарабатывал немногим больше других.

Когда, как обычно, Колосов протянул руку, чтобы поставить неизменный крестик в наряде, раздался смелый голос Матвея:

— Дядя Егор, повремени малость прикладывать руку: тебе неверно начислен заработок!

Приказчик поднял очки на лоб, злым и долгим взглядом прищуренных глаз смерил Матвея с головы до ног и прогремел:

— А ты кто таков будешь, чтоб мне указывать! Недопарыш паршивый! Щенок беззубый!

Вокруг начали собираться рабочие. Вскоре плотное живое кольцо замкнулось, приказчик понял по хмурым

лицам, сдвинутым бровям, крепко сжатым кулакам рабочих, что может наступить неприятный для него момент, и заюлил лисой:

— Чего бы ты, морковка огородная, в подсчете смыслил! Колосов отшлифовал 196 деталей по $4\frac{3}{4}$ копейки за каждую. Здесь не дважды два четыре, а дробь надобно знать!

Матвей взял лист бумаги, быстрыми, уверенными взмахами карандаша испещрил его мелким бисером чисел.

— Смотрите, господин приказчик! По-честному, по-рабочему простая дробь вот так решается. Получается, что Колосову за работу надо получить 9 р. 31 коп., а не 8 р. 31 коп.

Недобрый гул пронесся среди собравшихся. Струхнувший приказчик примирительно сказал:

— Стой! Стой! А ну, дай карандаш. Недолго ведь и пересчитать. Так... так... Твоя правда, малый, я чуть-чуть ошибся.

Со всех сторон посыпались острые слова рабочих, сопровождаемые дружным смехом:

— Здорово, Матвей, приказчика осадил!

— В другой раз не посмеет!

— Щенок беззубый, а ладно тяпнул!

— Хороша крапивная припарочка, господин приказчик!

Приказчик сорвался с места, проворно юркнул в разрыв человеческого кольца и бросился наутек под улюлюканье и хохот рабочих.

Матвей не испугался своего поступка. Он хорошо понял взгляд, которым наградил его приказчик, убегая из цеха. Этот взгляд, полный ненависти, как бы говорил: «Подожди, щенок, заплатишься за дерзость!» Но дружная поддержка рабочих казалась Матвею самой надежной защитой от всех бед. Через два дня, вечером, по пути домой Матвея повстречал дядя Сергей и горячо поблагодарил:

— Спасибо, Матвей! Слышал я, как ты приказчика разделал! Молодцом! Значит, хорошо понял рабочую поруку. — Прощаясь, вполголоса сказал: — Приходи завтра вечером ко мне на квартиру. Человек один из Иваново-Вознесенска будет, подскажет, как рабочим бороться нужно за свое...

Матвей почувствовал, как хлынула к лицу кровь, за-

стучала молотками в висках. С силой, которой ранее не ощущал в себе, он сжал руку Кирьянову и с радостным волнением в голосе ответил:

— Обязательно приду, дядя Сергей!

Похилившаяся лачуга Кирьянова из двух тесных и низких комнатушек находилась на окраине Шуи и мало чем отличалась от других, окружавших ее. Окраина напоминала Матвею деревню, с той лишь разницей, что здесь халупы плотно лепились одна к другой.

— Пришел! Ну, вот и хорошо! — обрадовался Кирьянов, встречая Матвея в кухне. — Уже все в сборе.

В комнатушке сидели на сдвинутых стульях человек 15 и оживленно беседовали друг с другом. Матвей узнал несколько знакомых лиц, поздоровался и смутился, когда вместо ожидаемого «здравствуй» к нему потянулись для пожатия руки собравшихся: каждый знакомился с ним по отдельности.

— Теперь, Арсений, можно начинать. Ждать больше некого. — Кирьянов сел у двери.

Из-за стола поднялся совсем молодой человек с красивым лицом, выразительным взглядом лучистых глаз, густыми коротко стриженными волосами с зачесом назад. Арсений говорил чистым грудным голосом, чеканя каждое слово:

— Товарищи! Я ознакомлю вас с обстановкой в Петербурге, Москве, Иваново.

Речь Арсения с первого же слова захватила Матвея. Никогда раньше ему не приходилось слышать столь простого и вместе с тем задушевного обращения, которое заключалось в слове «товарищи». Матвей сразу почувствовал себя равным среди собравшихся и жадно ловил проникновенные слова говорившего. Арсений просто и доходчиво одну за другой рисовал живые картины положения рабочих, призывал к борьбе.

— Рабочие готовятся к решительной борьбе за политические права, за улучшение своего экономического положения. У них есть своя партия — социал-демократов-большевиков во главе с Лениным...

Голос Арсения постепенно крепчал. Матвею на мгновение показалось, что ветхие стены комнаты не выдержат мощного напора слов и развалятся.

Когда Арсений кончил говорить, Матвей, не задумываясь, спросил в упор:

— А как можно стать членом такой партии, о которой вы говорили?

Арсений улыбнулся, кивком головы указал на Кирьянова:

— Дядя Сергей после расскажет.

На другой вечер Матвей пришел к Кирьянову. Он сидел дома один, вся семья куда-то ушла.

— Садись, садись! — приветливо загудел хозяин. — Сюда, к окну поближе, чтобы было видно, кто по улице идет. Пока чайшко греется, займемся делом... О партии ты спрашивал... На, читай: программа и Устав партии большевиков...

Тихо шелестели листы рыхлой и толстой бумаги, одна за другой проплывали перед глазами напечатанные крупным шрифтом, глубоко вдавленные строки. С каждым прочитанным словом Матвею становилось еще более понятной вчерашняя речь Арсения. Благородность цели, к которой стремилась партия, принципы ее построения были так ясны, что Матвей не удержался от невольного возгласа восхищения:

— Вот это партия! Она всего добьется!

Смеркалось. С улицы раздался сухой стук о дерево оконной рамы.

— А теперь давай сюда! Не обижайся, что книжицу отнял... Что непонятно — спросишь наедине. Пошел открывать: семья пришла. — Кирьянов вышел в сени.

...Было уже поздно, когда Матвей распрощался с хозяевами. Кирьянов вызвался проводить его.

Стояла теплая летняя ночь. Звезды, густо рассыпанные по бездонному котловану густо-синего неба, светились мягким, ласкающим глаз светом. Над городом вспыхивали и гасли темно-красные зарницы. Доносилось глухое урчанье заводских машин. Все окружавшее, шагавший рядом дядя Сергей казались Матвею близкими и родными. Матвей переживал счастливые минуты душевного подъема, который возникает в человеке при виде ясной цели в жизни, рождает дерзкую смелость и твердую уверенность в силах.

В конце кривой улочки Кирьянов попрощался:

— До свидания, Матвей! Тебе отсюда до дому рукой подать. Запомни: на следующем собрании буду рекомендовать тебя в члены заводской организации Ленинской партии, Арсений поддержит меня в этом.

...Шло время. Большевистская подпольная организация Шуи кропотливо готовила рабочих к активным выступлениям против самодержавия. Все чаще приезжал в Шую Арсений, иногда неделями безвыездно жил здесь. Чувствовалось по всему, что скоро наступит час, когда вспыхнет революционный пожар невиданной силы.

Матвея Цаплина сразу же после приема в партию назначили агитатором среди рабочих-текстильщиков. С непосредственностью и кипучей энергией человека, у которого определилось собственное призвание в жизни, Матвей весь ушел в революционную работу. Ранним утром, до ухода на завод, он успевал почитать книгу, рекомендованную Арсением, набросать в голове план беседы с рабочими на собрании или массовой.

До позднего вечера Матвей не знал отдыха. Но те часы, которые он проводил в беседах с рабочими, казались лучшей наградой за все, что отнимала у него опасная работа революционера. Матвей считался признанным оратором, но был далек от чувства мелкого тщеславия. Когда у слушателей загорались глаза и на лицах появлялось выражение благородного гнева, оратор сам душой и мыслями уносился с ними в едином порыве. Матвей незаметно для себя вырастал в революционера-профессионала. В этом ему помогало постоянное общение с Арсением и его влияние на формирование политического мировоззрения Матвея. Арсений имел настоящую фамилию, имя, отчество — Фрунзе Михаил Васильевич. Был он всего на год старше Матвея Цаплина, однако, несмотря на это, являлся высоко эрудированным человеком, грамотным марксистом. После окончания гимназии он учился в политехническом институте в Петербурге, где вступил в большевистскую партию. В 1904 году за участие в революционной ноябрьской демонстрации в Петербурге Фрунзе арестовали и выслали из столицы. В начале 1905 года Московский комитет большевиков направил его на работу в Иваново-Вознесенский промышленный район.

В момент знакомства Матвея с Арсением в Иваново-Вознесенске и Шую стали разворачиваться грозные революционные события. Еще весной 1905 года в Иваново-Вознесенске началось революционное брожение среди рабочих, которое вскоре под руководством большевиков вылилось в форму всеобщей стачки. В один из майских дней 45 тысяч ивановских рабочих бросили работу. Корпуса десят-

ков фабрик и заводов превратились в безжизненные коробки: шум и суетня рабочей массы переместились на улицы, за город. Одна за другой проходили в городе многолюдные политические демонстрации. Рабочие несли большевистские лозунги, красные флаги, пели революционные песни.

26 мая на опушке леса возле реки Талки на многолюдном митинге, как и на предшествовавших ему, с пламенными речами выступили большевики. Они призвали рабочих к организованности и сплоченности в борьбе за свои классовые интересы. Этот день явился историческим в рабочем движении России. Здесь, на митинге, был создан Совет уполномоченных от рабочих — первый в России предшественник Советов рабочих депутатов, Советов, рожденных в огне первой русской революции.

Стачка ивановских рабочих отличалась исключительным упорством и продолжалась два с лишним месяца. В Совете были уполномоченные и от десятитысячного отряда шуйских рабочих. Через Совет стачечники получали посильную помощь от рабочих других городов Иваново-Вознесенского промышленного района.

Царские власти объявили Иваново-Вознесенск на осадном положении. Войска получили приказ об открытии огня по рабочим, выходившим на демонстрации и митинги. Городские мостовые обгарились кровью первых десятков убитых и раненых. Кирьянов, возглавлявший рабочее представительство Шуи в Ивановском Совете, с приездом домой сообщил Матвею:

— Совет — большая сила! А Арсений — душа стачки и Совета. Ивановским рабочим нужна поддержка!

Матвея Цаплина — члена местного комитета большевиков — в это время можно было видеть во главе демонстрации протеста против произвола царских властей, вступающим на митингах, в тесном кружке рабочих на заводе.

В начале августа 1905 года закончилась стачка в Иваново-Вознесенске. Рабочие возвратились к станкам, не имея материальных возможностей продолжать борьбу. На заседании Шуйского комитета большевиков Арсений говорил, что только вооруженная борьба рабочих приведет к свержению самодержавия.

В эти дни голос Матвея Цаплина все чаще призывно звучал на рабочих собраниях: «Кровь убитых и раненых

товарищей зовет на борьбу! Надо создавать вооруженные рабочие дружины!» Арсений получал регулярную информацию от Цаплина о количестве созданных дружин.

С большими предосторожностями шло обучение дружинников обращению с оружием, правилам ведения баррикадных боев.

Матвей буквально не знал покоя в хлопотах по добыче и ремонту оружия, помогал Арсению и комитету, насколько позволяли знания, в обучении дружинников. Уже в октябре, когда по России прокатилась всеобщая политическая стачка, насмерть перепугавшая царизм, для шуйских рабочих стала очевидной неизбежность и необходимость вооруженной борьбы, к которой их призывали большевики, в том числе и Матвей. Поэтому грохот баррикадных боев московских рабочих против царских войск в декабре 1905 года не явился для ивановских и шуйских товарищей громом на ясном небе. Арсений говорил членам Шуйского комитета большевиков:

— Началось то, к чему призывала рабочих партия большевиков, — вооруженное восстание. Его необходимо расширить, сделать всеобщим. Место наших боевых дружин там, на баррикадах Москвы!

Боевая дружина рабочих Иваново-Вознесенска и Шуи, созданная и обученная Арсением и другими товарищами, пришла на помощь московским повстанцам накануне ожесточенных боев на Красной Пресне.

Матвей по-прежнему оставался в Шуге для ведения партийной работы, но каждый выстрел на Красной Пресне чутким эхом отдавался в его душе: им было сделано все возможное по собственным силам для вооруженного восстания рабочих.

АРЕСТ И ССЫЛКА

Отгремели залпы баррикадных боев на Красной Пресне. Царские войска подавили декабрьское вооруженное восстание рабочих. Возвращались домой шуйские дружинники, но не все. Некоторые из них, сраженные пулями, навеки остались в Москве, тайно, без шума и обычных церемоний похороненные на городских кладбищах своими товарищами, некоторые были схвачены царскими властями, судимы и отправлены в заключение и ссылки.

Шуйские фабриканты и заводчики не скрывали своего ликования. Они полагали, что рабочие получили отрезвляющую встрепку и будут более послушны, чем ранее. Но они глубоко ошибались, принимая выражение скорби и молчаливой сосредоточенности на лицах рабочих за проявление покорности и смирения перед своей участью. Глубокая скорбь по погибшим и временно выбывшим из строя товарищам не сковала стремления шуйских большевиков и рабочих к дальнейшей борьбе против царизма.

Революционная страда для большевиков не кончилась. В политической жизни страны под прямым воздействием революции происходили события, требовавшие раскрытия их истинного смысла и содержания перед рабочими и определения отношения к ним. Это могли сделать только большевики. Рабочие и крестьяне России все более убеждались в правильности утверждений большевиков о том, что «демократические свободы», обещанные царем в манифесте 17 октября, являются простой уловкой, направленной на удушение революции. Декабрьские события 1905 года полностью подтвердили это.

Но царизм, разоблаченный собственными действиями в глазах масс, не отрешился от политики их одурачивания, на этот раз более утонченного. Объявление о созыве «законодательной» думы в декабре 1905 года преследовало ту же цель, что и издание манифеста 17 октября. Поэтому большевикам предстояла серьезная работа среди рабочих и крестьян по разоблачению новой уловки царизма, по организации бойкота выборов в Государственную думу. В Шуе на перекрестках улиц часто появлялись листовки и прокламации, в которых содержался призыв к рабочим, не участвовать в выборах в думу, разъяснялась политика царизма.

Жандармы и полиция изнемогали от бесплодных поисков «нарушителей» государственных порядков. Шуйские большевики оказались опытными конспираторами.

В начале 1906 года произошли перемены в положении Матвея Цаплина. Ему удалось устроиться в контору завода Толчевского приказчиком по расчетам. Цаплин в это время мало напоминал того деревенского паренька, который несколько месяцев назад неуверенно шел по улицам Шуи. Духовное обогащение сочеталось в нем с чисто внешними изменениями: подтянутостью, опрятностью в скромном костюме, манерах обращения. Но как ни велики

были изменения в юноше, вряд ли они одни помогли ему превратиться из рабочего в их «грозу». В этом, видимо, помогли старания подпольного комитета большевиков, который стремился поставить вне подозрений властей активного революционера Цаплина. Выдержка и внешнее спокойствие, знание дела, с которым Цаплин выполнял свои новые обязанности с первых же дней, пришлось по душе хозяину. Служащие наперебой стремились завязать знакомство с «благовоспитанным», по их определению, молодым человеком.

Но никто из них и подозревать не мог, что, придя домой, Цаплин сбрасывал наглаженный костюм, чуть не срывал от поспешности белоснежную манишку с жестким накрахмаленным воротничком, надевал простенькие брюки навыпуск, ситцевую рубашку-косоворотку и куда-то надолго уходил.

Цаплин жил в одной комнате с молодым рабочим Петром Викуловым, также активным большевиком. Нередко молодые люди засиживались до глубокой ночи, низко склонившись над столом. Иногда, постучав в дверь, в комнату входила хозяйка, сокрушенно качала головой. В ответ Матвей всегда весело отзывался:

— Все учимся! Я за гимназический курс готовлюсь, а Петруша — за городскую четырехклассную! Надо же в люди выходить!

По лицу хозяйки скользила теплая улыбка, она шутиливо грозилась пальцем и добродушно журила Цаплина:

— И когда вы, Матвей Константиныч, лицом к жизни обернетесь?.. Все книги да книги, а живых людей вроде бы не замечаете. А вам письмецо пришло от Катеньки... Знаю, любит вас, да и вы тоже!.. А получается не как у людей. А пара-то какая! Что вы, что она — загляденье, картинка!

Хозяйка торжественно вручала письмо Матвею и, довольная по-своему тем, что наставила на путь истинный молодого человека, выплывала из комнаты, шурша складками широченной сатиновой юбки.

При всей занятости, несмотря на поздний час, Матвей немедленно вооружался пером, листом бумаги и строчил в ответ пространное письмо, порой восторженное, какие пишут только любимому человеку, порой сдержанное, наполненное рассуждениями не только из области чувств.

Матвей, действительно, любил Катеньку, Екатерину

Ивановну Иванову, девушку весьма привлекательной наружности, доброго, покладистого характера. Эта любовь в самые трудные минуты скрашивала его жизнь. Но всякий раз, как только рождались смутные надежды на личное счастье, Матвей становился сдержанным по отношению к возлюбленной: тернистый путь революционера, по которому он шел, обещал слишком мало отрадного для нее. Вместе с тем ради личного счастья Матвей не мог уйти с избранного пути.

Шли недели напряженной работы...

Однажды вечером Матвей сидел в комнате за просмотром и правкой написанной им накануне листовки о предстоящих выборах в Государственную думу. Перо быстро бегало по бумаге, перечеркивало лишнее и ненужное, вносило новые, более удачные слова и выражения. В заключение Матвей еще раз придирчиво прочел листовку, нашел, что завтра ее можно показать Арсению, положил в ящик стола, не раздеваясь, прилег на кровать.

Мысли толпились в голове. Думалось о предстоящей встрече с Арсением, о Кате, о многом другом. Матвей с удивлением заметил, что ни за одну из набегавших мыслей его мозг не мог прочно зацепиться. Пробовал думать о матери. Но лицо ее, озаренное воображаемой улыбкой, полной счастья и гордости за сына, который теперь посылает ей почтовым переводом ежемесячно по 20 рублей, бесследно гаяло. Матвей бросил мимолетный взгляд на стену. Стрелки часов показывали половину девятого.

И вдруг кольнула тревожная мысль, которая властно вытеснила все остальные: «Где же Петруша? Обещал прийти вовремя, листовку просмотреть?» Матвей начал было одеваться, чтобы отправиться на поиски товарища, как в дверь раздался стук, совсем похожий на тот условный, по которому они обычно открывали друг другу дверь. «Наконец-то!»

Звякнул откинутый крючок, но в двери вместо Викулова появилась хозяйка совсем с необычным выражением испуга и недоумения в глазах, округлившись по-рыбьи. По шороху в темном коридорчике Матвей понял, что хозяйка не одна, что выражение ее лица исключает какую-либо нарочно подстроенную шутку со стороны Викулова.

— В чем дело? — спросил он по возможности спокойным тоном.

В ответ перед Матвеем выросли фигуры уездного ис-

правника и двух полицейских урядников. Исправник с подчеркнутой вежливостью сказал:

— Мы произведем обыск в комнате. Нас интересуют личные вещи рабочего Петра Викулова.

— Но его нет дома, а обыск лучше произвести в присутствии хозяина вещей, — возразил Цаплин и ощутил на себе короткий испытующий взгляд.

— Нам известно, что Викулов не скоро появится в квартире, а служба не ждет. Я наслышан о вашей добропорядочности, господин Цаплин, и надеюсь, что безобидный обыск не причинит вам никакого беспокойства!

Полицейские начали бесцеремонно рыться в вещах и книгах.

«Провал... самый настоящий провал... Немедленно сообщить дяде Сергею...» Матвей направился к двери, но исправник очень корректно остановил его:

— Ваше присутствие, господин Цаплин, при обыске обязательно. — И добавил несколько загадочно:

— Ваше отсутствие может доставить нам излишние хлопоты!

Полицейским не потребовалось много времени и труда для поисков необходимых вещественных улик против Викулова. Из его подушки были извлечены листовки, напечатанные типографским способом, работа Ленина «Что делать?»

Исправник заметно был рад находке и пребывал в самом хорошем настроении, но, когда полицейские извлекли из ящика стола набросок листовки, на которой едва успели высохнуть чернила, на лице его появилось выражение строгости и озадаченности. После обыска он с приторным сожалением в голосе, сквозь которое Матвей очень отчетливо уловил радость по случаю нечаянного открытия, сказал:

— Долг службы обязывает меня, господин Цаплин, задержать вас до выяснения некоторых обстоятельств.

Это произошло 5 марта 1906 года. Так в списке лиц, подвергнутых аресту начальником Владимирского губернского жандармского управления по Шуйскому уезду, появилась фамилия Цаплина Матвея Константиновича, 1886 года рождения.

Будучи под стражей, Матвей узнал от товарищей, находившихся на воле и сумевших с ним установить связь, что его провал произошёл по чистой случайности.

После окончания рабочего дня Петр Викулов дольше обычного задержался на заводе и вошел в проходную, когда все рабочие его смены давно были дома. Сторож, в прошлом ревностный армейский унтер, верный слуга хозяина, очевидно, заподозрил молодого рабочего в воровстве и решил обыскать его. Петр, не чувствуя греха, в котором его подозревали, со спокойной душой позволил ему сделать это. Все бы кончилось благополучно. Но в тот самый момент, когда сторож намеревался уже сказать обычное «проходи», Викулов нервно вздрогнул.

— Ишь ты! Выходит, крал чего-то, раз как в лихорадке передернулся! — И пальцы рук сторожа, грубые и толстые, с завидной ловкостью начали вновь проворно ощупывать одежду. На грудном кармане пиджака Викулова рука, нащупав какой-то круглый предмет небольших размеров, остановилась, другая бесцеремонно извлекла его наружу. Искреннее изумление на лице сторожа при виде резиновой печати вскоре уступило место восторгу, рожденному бесхитростной догадкой:

— Печать украл! Векселя подделывать! Теперь, Наумыч, жди к пасхе награды от хозяина!

Те же чувства охватили и срочно вызванных в проходную полицейских, когда вместо ожидаемого на оттиске круглой печати прочли: «Иваново-Вознесенский окружной комитет РСДРП».

Викулова немедленно арестовали и в этот же вечер произвели обыск в квартире. Экспертиза без особого труда доказала, что автором рукописи листовки, изъятой при обыске, является Матвей Цаплин. Следствие установило также его принадлежность, как и Викулова, к Иваново-Вознесенскому окружному комитету РСДРП.

Дело Цаплина было срочно передано следователю по важнейшим делам. Шло время. Цаплина перевели во Владимирское исправительное арестантское отделение. Викулов содержался отдельно от Матвея. Но Матвей знал, что, кроме них, ни один из членов организации не арестован. Следствие прибегло ко всяким ухищрениям, чтобы добыть необходимые данные для полного раскрытия и ареста Шуйской организации большевиков. Но на все хитроумные, а порой, казалось бы, невинные вопросы следователей и Цаплин, и Викулов, не видя друг друга, отвечали одинаково: «Не знаю», «Нет».

Сознание того, что провал является частичным, что на

воле остались Арсений, дядя Сергей и другие, укрепляло в Матвее стойкость на допросах, рассеивало чувство досады на непростительную оплошность товарища.

Имя Цаплина все чаще стало упоминаться в жандармских и полицейских документах — докладах, телеграммах, секретных циркулярах. 7 апреля 1906 года владимирский губернатор с согласия прокурора Владимирского окружного суда ходатайствовал перед Министерством внутренних дел о высылке Цаплина из Владимирской губернии сроком на 2 года. Министр не спешил с утверждением предлагаемой меры наказания, надеясь, очевидно, что следствие установит более тяжкую вину Цаплина. Наконец, 21 апреля 1906 года департамент полиции представил подробный доклад о виновности Цаплина на утверждение особого совещания при министре. В докладе сообщалось о найденной при обыске рукописной листовке «антиправительственного» содержания — «Учредительное собрание и предвыборная агитация», — предназначавшейся, «несомненно, к перепечатыванию в подпольной типографии», адреса и воззвания того же направления, написанные Цаплиным. Департамент полиции предлагал выслать Цаплина как опасного государственного преступника в Нарымский край, Томской губернии, под гласный надзор полиции сроком на 4 года. Особое совещание нашло, что мера наказания соответствует «составу преступления», и в этот же день утвердило представленный доклад.

Срок ссылки исчислялся с 25 апреля 1906 года. Матвее не пугала ссылка, но дни, проводимые в ожидании ее, казались до бесконечности длинными и утомительными. За это время было перечитано все, что могли переправить за решетку товарищи с воли. В свиданиях Матвею отказали. Большим праздником бывали те дни, когда приходили скудные весточки с воли, особенно о делах комитета.

Получил Матвей и несколько писем от Кати. Они были проникнуты сожалением, несмелым упреком за рушившееся счастье. Матвее возмущала слезливость писем и несправедливость упреков, но он здесь же оправдывал Катю: «В ее положении иного не скажешь!»

13 мая 1906 года департамент полиции секретно уведомил томского губернатора и главное тюремное управление о предстоящей высылке Цаплина. Владимирский губернатор, в свою очередь, сообщил департаменту полиции о пе-

реводе Цаплина с 26 мая 1906 года из арестантского отделения во Владимирскую тюрьму для отправки в ссылку.

Теплой июньской ночью со станции Владимир отправился товарный поезд. В зарешеченные крохотные окошки одного из вагонов на ярко освещенные электрическим светом станционные площадки смотрели ищущим взглядом люди. Один из них четким металлическим голосом крикнул: «Прощайте, товарищи!» В отдалении между железнодорожными путями стояли трое мужчин и, озираясь по сторонам, махали шапками. Среди них возвышалась фигура дяди Сергея. Остальных Матвей не успел распознать. На другой день, 12 июня 1906 года, владимирский губернатор известил департамент полиции, что Матвей Цаплин и Петр Викулов отправлены этапом в Томск.

Никогда раньше Матвей не находился в пути так долго, как в этот раз. Пространственные представления о России, полученные из прочитанных книг, оказались слишком убогими и неполными в сравнении с действительностью. Насколько позволяли возможности, Матвей неотрывно смотрел в окно. Перед глазами проплывали разнообразные живые картины русской природы. Лиственные леса постепенно уступали место хвойным, открытые равнины — отлогим возвышенностям с многочисленными оврагами — следами работы бурных вешних потоков. Особенно Матвею понравился Урал. На склонах гор толпились густые ельники, которые чутко вздрагивали от шума колес, паровозного свистка. Одиночные мощные ели, стоявшие по бокам дороги, напоминали гигантские мечи острием кверху; казалось, чьи-то руки держат их наготове и непременно опустят на голову того, кто дерзнет нарушить звенящую тишину гор. Поезд то и дело изгибался в дугу, минуя крутые повороты, исчезал в черном зеве туннелей, старательно, с визгом и скрежетом, карабкался на крутые подъемы, на тормозах спускался с них. В голубом прозрачном воздухе тянулася бесконечная зубчатая линия гор, кое-где внизу неожиданно показывались веселые речные долины, блестящие на солнце водяной гладью, яркой зеленью молодых, сочных трав.

Однажды утром взор Матвея поразила неожиданная для него перемена за окном вагона: поезд, словно вырвавшись из неволи, мчался с веселым свистом по необъятной равнине. Она раскинулась вокруг, насколько видел человеческий глаз, лишь кое-где, сбившись в тесную кучку,

стояли молодые березки в своем щегольском убранстве, виднелись озера с безукоризненной гладью поверхности, которая слепила взгляд гигантскими солнечными зайчиками. «Вот она в действительности — необъятная страна, богатая, но не для народа...» — думал Матвей и, глядя в крохотный глазок окна, еще более утверждался в том, что высшее для него призвание — борьба за подлинное счастье людей, о котором так часто говорил ему Арсений и сам он — рабочим Шуи...

В Томске Матвей пробыл недолго, пока совершались обычные процедуры перед отправкой политических заключенных на места ссылки. Город, насколько позволило мимолетное знакомство с ним по пути от станции до тюрьмы, а несколько позднее — от тюрьмы до пристани, внешне показался Матвею привлекательным своей зеленью, четкой строгостью зданий учебных заведений. Поражала взгляд аляповатая и ненужная роскошь купеческих особняков, торговых заведений.

В Томске Цапину определили место ссылки — далекое село Тогур, затерянное в тайге и болотах Нарымского края.

В Тогуре, как и в других нарымских селах, в это время ссыльных было много: они приходили сюда новыми и новыми партиями по мере того, как царизм все туже затягивал петлю на шее революции.

В диком, полупустынном Нарымском крае, не знавшем такого наплыва людей, испытывался острый недостаток в хлебе и других продуктах, начались вспышки острозаразных заболеваний. Большинство ссыльных не получали материальной помощи извне, на месте не имели возможности заняться производительным трудом и потому больше всего страдали от недоедания и болезней. В делах Томского губернского управления нет подробных сведений об образе жизни Цапина в тогурской ссылке, говорится лишь, что он не имел постоянной работы и пособий от казны не получал, т. е. ничем не отличался от подавляющего большинства ссыльных.

Ссыльные не прекращали своей работы и на местах поселений: налаживали связи с партийными организациями центра России, изучали и распространяли в своей среде марксистскую литературу, готовили побеги и т. д.

Молодой, полный сил и задора, Цаплин весь отдавался этой работе, но его неотразимо влекло на передний

край битвы против самодержавия — в рабочие центры России. Путь туда был только один — побег из ссылки, сопряженный с тысячами непредвиденных трудностей, соблюдением исключительной осторожности, проявлением смелости и находчивости.

4 декабря 1906 года томский губернатор спокойно сообщил департаменту полиции, что им составлена ведомость на ссыльнопоселенца с. Тогур Цаплина, а 11 декабря губернатор с великим огорчением признался тому же департаменту, что Цаплин бежал с места ссылки в неизвестном направлении.

Лютые сибирские морозы, безлюдье, почти полная неизвестность пути не испугали беглеца. Многие сотни километров пришлось ему пробираться пешком, на случайных попутных подводах, ночевать в чаще и речных забоках, согреть уставшее тело теплом костра.

Имя Цаплина появилось в новом документе департамента полиции — секретном циркуляре лиц, подлежащих розыску. В нем описывались обычные полицейские приметы беглеца: «...ростом двух аршин пяти вершков, лицом чист, губы крупные, волосы, борода — русые, уши маленькие, бреется».

Но Цаплин благополучно миновал все рогатки полиции и добрался до родных мест. Началась не изведенная им жизнь по чужому паспорту под вымышленным именем. Засиживаться подолгу в Шуе не приходилось: полицейские ищейки вынюхивали следы большевиков, арестовали Арсения. Матвей появлялся в Иваново-Вознесенске, Ярославле, Шуе, Москве, где его ждала та же работа, что и до ссылки.

Часто в условленные адреса для Матвея приходили письма от Кати. Он читал их с жадностью и торопливостью, немедленно давал ответы. Но в них все чаще и глубже слышался отзвук шаткости нелегального положения Матвея. Однажды пасхальным днем Матвей шел по тротуару, смешавшись с разряженной праздничной толпой. Его наблюдательный взгляд заметил несколько молодых пар влюбленных. На их лицах цвела весна: играл румянец, счастьем светились глаза, скользили тихие улыбки.

Здесь жизнь шла обычным чередом, дразнила своими прелестями. «Почему это не для всех? У них счастье и покой, семья, широкий круг знакомых и друзей... А кто я?»

«Почему не с Катей?» Столкнувшись в глубокой задумчивости со случайно попавшимся знакомым рабочим, Матвей прочел на его лице удивленный вопрос и про себя подумал: «Через час за городом начнется рабочая массовка, а я — в философию личности ударился. Пожалуй, не время этим заниматься!»

Почти все лето Матвей по поручению большевистского комитета вел агитацию среди рабочих, укрывался от глаз полицейских на конспиративных квартирах. На одной из них Матвею вручили письмо от Кати. От него веяло холодком. Катя явно дала понять, что отношения, установившиеся между ней и Матвеем, ненормальные, что они дальше продолжаться не могут. Письмо являлось вопросом, на который следовало дать прямой ответ.

«Конечно, необходимо внести полную, пожалуй, жестокую ясность в наши отношения. У нее есть свои возлюбленные: вечера, танцы, гуляния и прочее... Моя возлюбленная — борьба. У нас явная противоположность во вкусах. Разрыв — единственное средство сохранения избранного направления в жизни для каждого из нас...»

С такими мыслями, неумолимыми, но верными, Матвей сел за ответ на письмо. Он писал: «Разумеется, твои возлюбленные более благодатны, чем моя, дающая мне право жить зайцем, вечно впроголодь, вечно посылающая под казацкие плети, грозящая каждую минуту тюрьмой и в будущем обещающая наградить пулей или пеньковым галстуком, сиречь виселицей...» Никогда ранее на бумаге Матвей так четко не выражал горькой правды о судьбе революционера-большевика. От этой правды он почувствовал себя стоящим неизмеримо выше тех, кто искал счастья в личном благополучии, тишине и покое. Сознание такого превосходства явилось каплей исцеляющего средства от душевных мук, рожденных разрывом с любимым человеком...

В конце лета 1907 года Матвей Цаплин находился в Ярославле, где вел революционную пропаганду среди рабочих «Большой ярославской мануфактуры». После митинга, опознанный тайными агентами, он был арестован и снова выслан в Томск. К поимке и новому аресту Цаплина, по всей видимости, много усердия приложило Томское губернское жандармское управление, так как его начальник 24 сентября 1907 года первым лаконично сообщил департаменту полиции о задержке беглеца.

Цаплина водворили на прежнее место ссылки и на этот раз установили за ним более строгий надзор, который исключал возможность нового побега. Тяжелые условия жизни в ссылке не могли сломить твердой воли, неукротимого стремления к борьбе Цаплина-революционера. Напротив, общение с опытными борцами против царизма, такими, как Я. М. Свердлов,¹ не прекращавших своей работы и в ссылке, оттачивало в ЦапLINE лучшие качества революционера. Нелегальная литература, живое слово большевиков — товарищей по ссылке — помогли ЦапLINE правильно понять очень многое, что раньше было неясным.

Матвей настойчиво и кропотливо, не теряя даром времени, изучал работы Ленина, Маркса, занимался общим образованием. Для всего у него находились помощники из среды ссылных товарищей.

Редкие весточки из России были неутешительны. Реакция, наступившая после поражения первой русской революции, душила все передовое. Но Матвей, как и большевики, бывшие вместе с ним, твердо верил, что за временным затишьем настанет час грозных революционных боев, к которым он так настойчиво себя готовил.

В начале 1911 года для ЦапLINE кончился срок ссылки. Предстоял выбор — возвратиться на родину или остаться в Сибири. ЦапLINE предпочел второе. Он хорошо знал, что в среде сибирских рабочих и крестьян таится огромная революционная энергия, которую необходимо пробудить, направить по нужному для большевиков руслу — и она может превратиться в реальную силу против самодержавия. В Сибири было меньше постоянных кадров испытанных большевиков, возникла настоятельная необходимость создания разветвленной сети большевистских организаций. Здесь оказались налицо все условия для кипучей, плодотворной партийной работы, которая всегда стремительно увлекала Матвея.

9 марта 1911 года томский губернатор сообщил департаменту полиции о намерении ЦапLINE остаться на жительство в Томской губернии. Матвей решил на первое время поселиться в Томске. Такой выбор не являлся случайным: требовалось тщательно ознакомиться с полити-

---

¹ Я. М. Свердлов был в Нарымском крае в ссылке в марте — июле 1910 года и с ноября 1910 года по декабрь 1912 года.

ческой обстановкой в отдельных уездах обширной Томской губернии, с наличием и соотношением партийных сил в организациях РСДРП и, наконец, по возможности, приобрести для себя лично специальность.

С первых же дней «вольного» поселения в Томске Цаплин устанавливает связи с революционным подпольем. Как и за всеми бывшими ссыльными, полиция установила за ним негласный надзор.

О томском периоде жизни Цаплина сохранились немногочисленные сведения. Известно, что он снимал комнату совместно с двумя другими лицами, находившимися под наблюдением полиции, что хозяйка квартиры — молодая женщина. Но в агентурных сведениях не указывались ни улица, ни номер дома, в котором жил Цаплин, ни фамилия его хозяйки. Надо полагать, что по многим соображениям — материальным, конспирации — он не имел постоянного местожительства в городе.

В августе 1911 года Цаплин значился в списке лиц, находившихся под наблюдением охранного отделения по Томской организации РСДРП, и, видимо, не без оснований агентура присвоила ему кличку «учитель». В этом же списке говорится, что наблюдение за Цаплиным установлено с 8 августа. В сводке агентурных сведений Томского охранного отделения приводятся наблюдения агента под кличкой «Сидоров». Из них видно, что Цаплин активно участвовал в политической жизни местной организации РСДРП, повышал собственную теоретическую подготовку. Агент сообщал, что некто Легалов принес Семену Федоровичу Долгополову 28 брошюр о социал-демократическом движении и просил передать их для чтения лицам, возвратившимся из ссылки. Часть книг Долгополов передал Цаплину и двум неизвестным лицам, проживавшим совместно с ним. В числе переданных книг особо упоминалась работа Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». За все последующее время жизни в Томске фамилия Цаплина не фигурировала в наблюдательных делах охранного отделения и полиции. Это не означало отхода от революционной деятельности: вероятнее всего, что богатый опыт подпольной работы помог Цаплину умело замаскировать свои действия от взора агентуры. Общая подготовка Цаплина в то время позволила ему поступить учиться на курсы межевых техников. Для человека без гроша в кармане, без материальной помощи со

стороны путь к достижению поставленной цели обещал невероятные трудности. Преодолеть их мог тот, кто обладал сильной непреклонной волей, стойким характером, железным здоровьем, так как учебу приходилось сочетать с поисками заработка на пропитание, с тонкой и опасной работой большевика-подпольщика. Матвей Цаплин имел такие качества, и он получил необходимую для себя специальность.

Работа межевым техником требовала выезда из Томска. На вопрос «куда?» Цаплин давно имел готовый, всесторонне обдуманый ответ. Он выбрал Алтайский округ. Это не было случайностью. Алтайский округ включал в себя Барнаульский, Бийский, Змеиногорский и Кузнецкий уезды, занимал громадную территорию юга Томской губернии в 400 тысяч квадратных верст и являлся личным помещьем русских царей. Здесь, в наиболее густонаселенной части губернии, еще в 1905—1907 годах разыгралась мощная революционная буря, направленная большевиками на уничтожение самодержавия. Острота общественных противоречий не исчезла, а усугубилась в Алтайском округе и после первой русской революции. В городах таил недовольство царем и капиталистами молодой пролетариат. В деревне крестьяне — бедняки и середняки — очень медленно наделялись землей, лесными угодьями за высокие выкупные платежи в пользу «его императорского величества». Со сказочной быстротой росло кулачество, которое душило своих односельчан петлей долговой кабалы.

В Алтайском округе имелись все необходимые предпосылки для революционных выступлений рабочих и крестьян. В 1912 году в Барнауле, центре округа, работала немногочисленная, но крепкая группа большевиков, объединенных в комитет. В ее составе были ученик ленинской школы в Лонжюмо (близ Парижа) И. В. Присягин, барнаульские рабочие-большевики Ф. Ильиных, М. Ярков, А. Селезнев, сестры Р. и И. Третьяковы и другие. В этом же году комитет в полном составе был арестован. Это не могло, конечно, означать прекращения большевистского влияния на массы рабочих и крестьян.

Таким образом, переезд в Барнаул обеспечивал Цаплина работой по землеустройству крестьян и, самое главное, создавал возможность плодотворной и широкой революционной деятельности.

В БАРНАУЛЕ

На Демидовской площади в Барнауле (ныне Пионерской) стояло длинное одноэтажное здание с узкими окнами. Его оштукатуренный, побеленный фасад украшал высокий трехугольный фронтон, покоившийся на массивных круглых колоннах. Здесь размещалось весьма влиятельное и могущественное учреждение — Главное управление Алтайского округа, которое заведывало царским поместьем. Земельно-лесные операции, строившиеся в расчете на получение наибольших выгод царем, являлись коньком деятельности всей чиновничьей братии, скрытой за толстыми стенами здания управления.

В послужных списках царского учреждения на Алтае в 1916 году появилась фамилия межевого техника Цаплина. Матвей, привыкший вращаться в шумной, находящейся всегда в жизни и движении рабочей среде, при первом же знакомстве с обстановкой в управлении ощутил холодное дыханье окостеневшего чиновничьего аппарата.

Чиновники различных делопроизводств и столов, все в черных костюмах, работали молча. Эти люди со строгими и непроницаемо-важными лицами, казалось, были чужды всему на свете, что не имело прямого отношения к службе, и склонялись над столами, как вымуштрованные солдаты, почти в одинаковых позах. В комнатах царила гнетущая тишина. Даже скрип перьев, дыханье людей здесь были настолько приглушенными, что жужжание пролетающей мухи легко улавливалось ухом.

Скоро Матвей привык к новой обстановке и научился за внешней личиной распознавать истинную жизнь, увлечения и наклонности отдельных чиновников. Очень осторожно, через либерально настроенных чиновников, он постепенно знакомился и с общественной жизнью в городе. Существовала здесь и нелегальная социал-демократическая организация, как и в других местах Сибири, объединенная, т. е. в нее входили и большевики, и меньшевики. Преобладали меньшевики. Цаплин вскоре установил связь с организацией и включился в активную революционную работу.

Постепенно в Барнаул возвращались из ссылки большевики, работавшие здесь ранее, как, например, А. Селезнев. С фронта пришел по ранению большевик Лолий Решетников, влились в организацию и несколько новых то-

варищей. В августовский день на одной из явочных квартир прошло подпольное собрание Барнаульской социал-демократической организации. На столах стояли водка, пиво и закуски. В случае налета жандармерии или полиции собравшиеся могли выглядеть гостями, пришедшими на невинную пирушку к хозяину, приказчику Барнаульского купца-миллионера Второва. На собрании выступил Л. Решетников с сообщением о положении дел на фронте, о настроении солдат и рабочих центральных городов России. Речь его, медленная, но яркая, насыщенная живыми примерами, сопровождалась одобрительными кивками и репликами большевиков. С исхудалым лицом, на котором ярко горели глубоко запавшие глаза, несколько согнувшийся от незажившей раны, Решетников, казалось Матвею, и в эту минуту испытывал на себе всю тяжесть войны. Никто из меньшевиков не осмелился перебить оратора даже в те минуты, когда он в заключение говорил:

— Кровь народа льется ручьями, царь, помещики, буржуазия жиреют от этого. Вместо превращения войны империалистической в гражданскую, свержения самодержавия и установления прочного мира, к чему призывают большевики и чего страстно хотят рабочие и крестьяне, меньшевики стоят за войну до победного конца, проповедают несуществующее единство взглядов на войну у помещиков, буржуазии, рабочих и крестьян, стараются помирить враждебные классы!

Некоторое время царила тишина, которую затем прервал поток речей меньшевиков. Торжественной напыщенностью, желанием блеснуть «высокой эрудицией» в вопросах общественного движения отличались выступления их лидеров: Спекторского, Колобова, Казанского и других. Более образованные, чем остальные присутствовавшие, они явно переоценивали свое «я» и без оснований претендовали на ведущую роль в организации.

— Отечество — святыня! Его защита — исторически сложившийся долг каждого, способного держать оружие! Вспомните убеленного сединой, глубокого старца, социал-демократа до мозга костей Августа Бебеля, готового взять винтовку, чтобы защищать свое отечество — Германию! А мы, русские, разве не способны оградить штыками матушку Россию от иноземного нашествия!

Речь Спекторского прервали хлопки меньшевистского большинства собрания.

— Злая мачеха для рабочего, крестьянина — отечество, когда в нем правят царь, помещики, капиталисты! — бросил резкую реплику Архип Селезнев.

Спекторский артистическим движением носового платка обмахнул лицо и продолжал:

— Мне думается, что товарищ Решетников неверно информировал нас. Линия Российской социал-демократической партии сейчас, как никогда, едина, и разговоры о каких-то двух позициях по отношению к войне — пустейший звук!

Спор обострялся и грозил затянуть собрание. Слово взял Матвей Цаплин.

— Большевики во главе с Лениным давно проводят свою политику во всех вопросах рабочего и общественного движения. Тактика меньшевиков и их лидера Плеханова в нынешней войне отличается от большевистской, как черное от белого. Разве меньшевистские проповеди классового мира и войны до победного конца имеют что-либо общее с отношением большевиков к войне, о котором говорит товарищ Решетников!..

Собрание закончилось поздним вечером. Оно выявило резкое, непримиримое различие взглядов левого и правого крыла Барнаульской социал-демократической организации, показало большевикам необходимость отмежеваться от меньшевиков и создать собственную свою организацию.

После собрания Цаплин пошел вместе с Решетниковым. Как одиннадцать лет назад, когда он шагал с дядей Сергеем по затихшим улицам Шуи, Матвей ощутил душевный подъем, рожденный неукротимым желанием борьбы, сознанием того, что в этой борьбе он не одинок.

Следующее собрание проходило в конце августа 1916 года. Присутствовало более 30 человек. К этому времени силы организации распределились для пропагандистской работы среди различных слоев населения города: большевики в кружках рабочих — строителей, пимокатов, шубников, Бобровского затона, меньшевики — среди купеческих приказчиков, интеллигенции, чиновников управления Алтайского округа. Собрание обсудило вопрос о работе социал-демократов в различных кружках города. Меньшевики опять обвинили Решетникова в стремлении внести раскол в организацию и, пользуясь численным превосходством, протасили свою резолюцию. Большевики понима-

ли, что для борьбы с меньшевиками еще не хватало сил, но не мирились с их линией.

В своем выступлении Цаплин предложил распространить революционно-пропагандистскую работу на солдат гарнизона и солдат, эвакуированных с фронта. Для организации солдатских кружков собрание утвердило двух большевиков: Решетникова и Бавыкина. Решено было также начать работу среди крестьян, используя с этой целью инструкторов Алтайского союза потребительских обществ, членов Барнаульской организации РСДРП.

Принятие собранием предложения Цаплина уже явилось крупным успехом большевиков, так как они могли оказывать свое влияние на солдатские массы, от настроений которых во время войны зависела политическая судьба страны.

Служба в Главном управлении Алтайского округа, повседневное общение с чиновниками, в большинстве — яркими сторонниками монархизма или стоявшими на позициях «святого нейтралитета» в политике, несколько мешали активной революционной работе Цаплина.

В Барнауле находилось молодое учреждение, ведавшее делами кооперативов, — Алтайский союз потребительских обществ (Алтайсоюз). В нем работали, в основном, меньшевики, члены местной объединенной организации РСДРП, к началу 1917 года была также и небольшая группа большевиков: Онучин, Галунов и другие.

Алтайсоюз по роду своей деятельности был тесно связан с деревней, что облегчало социал-демократам оказывать свое влияние на массы крестьян, наиболее многочисленных в Алтайском округе среди других категорий населения. Цаплин, не задумываясь, перешел на работу в Алтайсоюз инструктором и сразу же возглавил большевистскую группу как наиболее опытный, подготовленный и закаленный продолжительной нелегальной работой революционер. С его приходом усилилась пропаганда большевиков Алтайсоюза среди крестьян и семей фронтовиков. Неутешительные вести с фронта, где царские войска терпели неизменные поражения, резкое ухудшение условий жизни рождали недовольство среди рабочих и крестьян Алтайского округа. В Барнауле заметно выросло число рабочих кружков, находившихся под большевистским влиянием. Все чаще проводились тайные собрания рабочих по предприятиям и отдельным районам Барнаула, где по

злободневным вопросам выступали большевики. Рабочие и солдаты информировались о забастовках рабочих Петрограда и Москвы, которые выдвигали ряд политических требований о бунтах и братаниях солдат на фронте.

Таким образом, далекая окраина России была в курсе почти всех внутриполитических событий страны, здесь ясно ощущалось приближение неизбежной революции. Малочисленной группе большевиков Барнаула приходилось много работать среди масс. Впервые после ссылки для Цаплина открылось широкое поле революционной работы.

2 марта 1917 года в Барнауле стало известно из телеграммы Алтайской железной дороги о свержении самодержавия. Местные власти, напуганные этим и, главное, возможностью революционных выступлений масс, лишь 4 марта сообщили о происшедших в Петрограде событиях. В этот день ранним утром Цаплин повстречал у здания управления Алтайского округа меньшевика Колобова, который торжественно воскликнул:

— Свершилась революция, Матвей Константинович!

Цаплин спокойно ответил:

— Знаю. Маленькая поправка — не свершилась, а только началась!

— Бросьте вы свои фракционные разговорчики! Общие усилия демократии сейчас направлены на поддержку революционного порядка, действий Временного комитета Государственной думы! Впрочем, извиняюсь: мне некогда!

Колобов круто повернулся и едва не бегом направился прочь.

Как Цаплин узнал позднее, Колобов спешил в здание кредитного союза, где собрались меньшевики, эсеры всех оттенков для срочного обсуждения создавшегося положения и предотвращения «беспорядков». Здесь была избрана инициативная группа из 3 человек (2 меньшевика и народный социалист), которая в этот же день созвала совещание представителей партий, союзов и общественных организаций, а совещание создало орган буржуазной власти — «Комитет общественного порядка», в который вошли кадеты, меньшевики и эсеры.

Барнаульские меньшевики трубили на все лады о том, что революция закончена, призывали массы к соблюдению порядка и к труду «на благо нового государства».

Новость о свержении самодержавия привела в движе-

ние и трудящиеся массы. В Барнауле проходили многочисленные митинги рабочих, мелких служащих. Здесь, на улицах, с яркими речами выступали большевики, призывая народ к созданию своих органов власти по примеру Петрограда — Советов рабочих и солдатских депутатов.

Меньшевики тоже выступали на митингах, но не всегда удачно для себя.

На Соборной площади, вблизи городского сада, на митинг собралось человек с тысячу.

Вначале говорили большевики. Толпа жадно ловила слова о мире, земле, площадь то и дело потрясал мощный шквал приветствий, бурных возгласов: «Пра-а-вильно! Ур-а-а большевикам!»

На подмостки, наспех сооруженные из досок, поднялся человек в добротном касторовом пальто, снял круглую шапку, отороченную соболем, блеснул пенсне в золотой оправе, отрывисто обратился к собравшимся:

— Граждане! В стране победила революция...

Цаплин узнал в ораторе знакомого присяжного поверенного, меньшевика.

— Наступили долгожданные минуты для истерзанной России. Освобожденный народ теперь расправит свои могучие плечи, сметет с лица земли того, кто посягнет на его Родину, счастье!

Толпа притихла в ожидании.

— Война за Родину до победного конца — долг всякого освобожденного от оков царизма человека...

И вдруг толпа негодуяще взревела, заколыхалась и подалась к оратору.

— Гдей-то оно, освобождение? Как была купчиха Сухова, так и осталась!

— Из шести сынов два уцелели, их прикажете убить?

— Долой! Долой его, говоруна такого!

Не успели десятки цепких рук стащить оратора, а его и след простыл.

Цаплин толкнул в бок стоявшего рядом Архипа Селезнева и, пряча довольную улыбку в усах, сказал:

— Без ключа открыли ларчик!

5 марта 1917 года в читальном зале Народного дома собрались 100 представителей рабочих Барнаула. Впервые избранные народом шли на собрание без опаски, что за ними следят полицейские шпики, впервые за толстыми двухаршинными стенами бывшей заводской тюрьмы в

полный голос прозвучали смелые речи большевистских ораторов.

Собрание приняло решение о создании Совета рабочих депутатов. Было избрано инициативное бюро.

7 марта состоялось расширенное заседание Барнаульского Совета рабочих депутатов. В этот раз зрительный зал Народного дома не вмещал желающих послушать ораторов, люди заполнили фойе.

Никогда раньше Матвей Цаплин не выступал при открытых дверях перед такой многочисленной аудиторией. Его речь, неторопливая и четкая, властно овладела вниманием людей. В напряженной тишине металлом звенел голос:

— 12 лет назад иваново-вознесенские рабочие под свист пуль и казацких плетей создали первый в мире Совет рабочих депутатов. Ныне мы, по их примеру, уже не озираясь по сторонам, создаем свой Совет. Советы должны покрыть Россию, как пчельник ульи. Большевики видят в Советах органы революционной власти рабочих и крестьян!

Морским прибоем зашумели рукоплескания, полетели возгласы. И вдруг, покрывая общий шум, где-то в середине зала запели:

— Смело, товарищи, в ногу...

Пронесся шорох встающих на ноги людей. Сотни голосов дружно подхватили песню. Ее мелодия, ее слова, проникновенно-торжественные, зовущие к борьбе, звучали для Матвея совершенно по-новому, как бы возвещая о близком достижении цели, ради чего он отдал двенадцать лет лучшей поры своей жизни.

Заседание избрало исполком Барнаульского Совета рабочих депутатов. В него вошел и Матвей Цаплин.

В составе исполкома в большинстве оказались меньшевики и эсеры, которым удалось обмануть не искушенные в политике массы. Цаплину и его немногочисленным друзьям предстояла упорная борьба в Совете против соглашателей, которые старались набросить на революционный народ узду повиновения новому государственному порядку.

12 марта 1917 года Барнаул встречал крестьян, приехавших на собрание Алтайского союза кооперативов. Представители буржуазных и соглашательских партий

призывали крестьян к поддержке Временного правительства, восхваляя его политику войны до победного конца. Меньшевик Спекторский произнес напыщенную речь:

— Вам, дети земли, нужно по-прежнему трудиться, дабы в изобилии собирать дары природы. Взгляните на исхудавшего солдата, стойко защищающего ваше отечество, ваши семьи, на солдата, который жаждет пищи, — и вы обретете вдохновение в труде на благо обновленной России, ведущей священную войну против врага до победного конца!

Оратор несколько смутился, когда услышал в ответ на речь сдержанные, разрозненные рукоплескания.

От имени Барнаульского Совета рабочих депутатов перед крестьянами выступил Цаплин.

— Мы, большевики, предлагаем алтайским крестьянам другое — немедленный мир, передачу без выкупа кабинетских земель, уничтожение всех привилегий бывшего Кабинета, которые ныне сохранились за управлением Алтайского округа!

По грому аплодисментов представители буржуазных и соглашательских партий поняли, какую притягательную для крестьян силу таят в себе лозунги большевиков, увидели в Цаплине опасного политического противника, искусного оратора.

Через несколько недель в Барнаул из ссылки вернулся Присягин. У Цаплина осталось глубокое впечатление от первой же встречи с ним. Именно таким представлял Матвей человека, который видел и слышал Ленина, учился у него: простым в обращении с людьми, непримиримым к противникам партии, задушевым товарищем.

Присягин как-то сразу незаметно для других слился с рабочей средой, стал душой профсоюзного движения и вскоре, к огорчению меньшевиков, возглавил Центральное бюро профсоюзов. Большевики прочно обосновались в профсоюзах. Меньшевикам пришлось потесниться.

Возвратились из ссылки и другие члены Барнаульской подпольной организации: С. Сычев, Т. Фофанов, Ф. Ильиных, М. Ярков.

Большевики по-прежнему составляли меньшинство Барнаульской объединенной организации РСДРП, но их влияние среди рабочих заметно возросло. М. Ярков, Ф. Ильиных и другие были хорошо знакомы рабочим Барнаула в течение многих лет революционной работы.

Поэтому их агитация имела успех, особенно среди водников, пимокатов, строителей, кожевников.

Как и в 1905 году, Цаплин часто выступал на рабочих собраниях. Устная агитация являлась единственной формой политического воздействия барнаульских большевиков на массы. Местная газета «Жизнь Алтая» находилась в руках меньшевиков и эсеров. Цаплин установил связи с шуйскими большевиками. Подал о себе весточку и дядя Сергей, который сообщил, что Арсений ведет большую революционную пропаганду среди рабочих и крестьян Белоруссии, солдат Западного фронта. Вести из Шуи пробуждали теплые воспоминания о первых шагах в революционной борьбе, об Арсении, дяде Сергее, Петре Викулове и других товарищах.

Порой перед глазами вставал образ Кати. Годы не заглушили полностью душевной боли от разрыва с Катей. Порой Матвей неудержимо влекло на родину, в Шую, но внутренний голос властно твердил: «Твое место здесь... Здесь непочатый край работы... Здесь ты нужнее...» Матвей соглашался с трезвым требованием разума, прогонял прочь навязчивое, соблазнительное желание и с новой силой принимался за работу.

В апреле 1917 года состоялось собрание Барнаульской организации РСДРП. Предстояло избрать делегата на историческую VII конференцию большевиков в Петрограде. Большевики Барнаула единодушно назвали фамилию И. В. Присягина.

Делегирование представителя на конференцию имело большое значение для барнаульских большевиков: конференция могла вооружить их программой действий на определенный срок. Присягин, лично знакомый с В. И. Лениным, по мнению многих барнаульских большевиков, являлся наиболее подходящим делегатом конференции, мог получить подробные указания из возможных личных бесед с вождем.

В первых числах июня 1917 года Присягин возвратился с конференции. Никогда ранее не проходило так бурно собрание Барнаульской социал-демократической организации, как в этот раз — при обсуждении докладов по решению апрельской конференции большевиков и Всероссийской конференции меньшевиков.

— Мы, барнаульские большевики, целиком и полностью поддерживаем исторические тезисы Ленина, при-

соединяемся к решению апрельской конференции и считаем Центральный Комитет, избранный ею, своим партийным центром!

Окончание доклада Присягина прервал дружный рев меньшевиков:

— Большевики идут по пути узурпации! Они хотят попить Россию в крови братоубийственной войны! Мы за мир между русскими в условиях новой государственности!

Меньшевицкое большинство собрания отклонило резолюцию, предложенную большевиками.

Присягин, Цаплин, остальные большевики решительно поднялись и покинули собрание. «Наконец-то мы без меньшевиков!» — этим возгласом кто-то выразил общее настроение большевиков. — «По примеру красноярцев нам нужно немедленно создать свой комитет!» В комитет, избранный несколько позднее и во главе которого встал Присягин, вошел и Матвей Цаплин.

Для большевиков Барнаула наступили дни напряженной, но свободной от помех меньшевиков работы. Они использовали все учреждения, через которые можно было проводить свое влияние на массы. Большевицкая фракция инструкторской коллегии Алтайского союза кооперативов провела представителем в Алтайский губернский земельный комитет Цаплина. Положение большевиков в Алтайсоюзе укреплялось с каждым днем. Матвей Цаплин, например, являлся членом правления. Представительство Цаплина в Алтайском губернском земельном комитете позволяло большевикам Барнаула влиять на крестьянские массы. Известно, что земельные комитеты Временным правительством формально создавались для подготовки и проведения земельной реформы, фактически же старались оградить земли помещиков и кулаков от притязаний крестьян. Активное разоблачение истинного направления деятельности земельных комитетов поднимало авторитет большевиков в глазах крестьян. Несколько раньше Барнаульское народное собрание избрало Цаплина членом земельной комиссии Барнаульской городской управы — органа местного самоуправления. Цаплин являлся членом Барнаульской городской думы и руководителем ее большевицкой фракции, количество членов которой достигло 18 из 61.

Успехи в работе большевиков вызвали многочисленные нападки на них со стороны меньшевиков.

В начале августа 1917 года Цаплин выступил на страницах журнала «Алтайский крестьянин» — печатного органа Алтайсоюза — со статьей «Кто такие большевики и чего они хотят». Статья просто и доходчиво рассказывала о программе большевистской партии, ее взглядах на вопросы войны, революции, давала отпор клеветникам. Цаплин, в частности, писал: «Большевики, например, говорили всегда, что нельзя добиться каких-либо мер существенных улучшений в быте рабочего класса без борьбы политической, а борьба экономическая есть вместе с тем и политическая, что лучшую жизнь рабочий и крестьянин устроят только тогда, когда они станут у власти в государстве».

Представители буржуазных и соглашательских партий с каждым днем убеждались, что Цаплин является одним из наиболее популярных и опасных для них большевиков Барнаульской организации. Действительно, популярность Цаплина среди рабочих и крестьян росла быстро. В грозные дни корниловского контрреволюционного мятежа якобы для «защиты» революции по инициативе меньшевиков и эсеров в Барнауле родилась организация под громким названием «Губернский комитет спасения революции». Возглавил его председатель Барнаульского Совета В. Шемелев. Комитет из своей среды избрал так называемое «распорядительное бюро», в которое вошел Цаплин для борьбы с соглашателями.

1 сентября 1917 года большевики Барнаула одержали крупную политическую победу. В этот день состоялось заседание Барнаульского Совета. Меньшевики во главе с В. Шемелевым внесли предложение передать власть «Комитету спасения революции». Большевики же во главе с Цаплиным решительно потребовали передачи всей полноты власти в руки Советов. Со всех сторон слышались горячие, смелые возгласы:

— Разве для того создавались революционными массами Советы, чтобы, не жив, умереть!

— Советы — единственная форма революционной власти рабочих и крестьян!

— Долой комитет!

В бурных прениях во всей глубине нашла отражение борьба взглядов большевиков и соглашателей. Ораторы говорили, не придерживаясь регламента, до хрипоты в горле, до пота на лице.

Когда при голосовании прошла большевистская резолюция о передаче власти Советам, бледный, с плотно сжатыми губами, В. Шемелев взял слово и холодно заявил собравшимся, не скрывая обиды и раздражения в голосе за поражение:

— Я не согласен с принятой резолюцией, идущей вразрез с программой широкой демократии. Я... я отказываюсь возглавлять Совет, стоящий на платформе большевизма!

Как хлесткую пощечину воспринял В. Шемелев при уходе с трибуны дружные рукоплескания большинства членов Совета.

Здесь же была названа новая кандидатура на пост председателя Барнаульского Совета — Цаплина Матвея Константиновича — и утверждена почти единогласно.

Матвей Цаплин и не подозревал, что в далекой Шуге в это же время под дружные рукоплескания и возгласы одобрения был избран председателем Совета Арсений — Фрунзе. Учитель и ученик вместе подошли к общему рубежу на своем революционном пути.

Для Цаплина, для всех большевиков Барнаула открывались широкие перспективы дальнейшего развития революции с большевизацией Совета. Правда, в Барнауле после ликвидации «Комитета спасения революции» оставались другие органы власти: местное городское, земское управление, комиссариат Временного правительства и пр. В них было засилье кадетов, соглашателей. Но победа в Совете свидетельствовала о возросшем влиянии большевиков среди рабочих и солдат Барнаула, о возможности расширения этого влияния в будущем. Большевики получили возможность использовать печатный орган Барнаульского Совета — газету «Голос труда».

Совет, руководимый Цаплиным, пошел по пути защиты интересов рабочих, отметая прочь соглашательскую политику меньшевиков. 5 сентября 1917 года им было принято постановление, запрещающее всем предприятиям и предпринимателям производить наем рабочей силы без ведома Центрального бюро профсоюзов. Большевики этим закрепляли за собой право вмешательства в договорные отношения предпринимателей и в нужных случаях защищать интересы рабочей стороны.

Барнаульский Совет принимал меры к расширению масштабов своей деятельности. 5 сентября 1917 года он

постановил, впредь до выборов органов власти II губернским съездом Советов, передать руководство всеми Советами губернии так называемому распорядительному бюро исполкома Советов. Во главе президиума распорядительного бюро стал Цаплин,¹ а его заместителем — большевик Сухих. В составе бюро были и меньшевики, но, несмотря на это, большевики получили реальные шансы на руководство Советами губернии.

Совет правильно оценил эсеро-меньшевистскую затею созыва пресловутого «Демократического совещания» и дал достойный отпор этой попытке решить за спиной революционных масс вопрос о государственной власти до созыва съезда Советов. Матвей Цаплин и другие большевики, члены Совета, 10 сентября 1917 года вывели рабочих Барнаула на демонстрацию. Над колоннами полыхали красные флаги, пестрели большевистские лозунги. На спех сколоченными подмостками, подобием трибуны, прочно завладели большевики. На выступления Цаплина и других большевиков с требованием передачи власти в руки Советов демонстранты отвечали дружным «Пра-а-вильно!», в котором тонули разрозненные крики меньшевиков о поддержке «Демократического совещания».

Знакомый меньшевик — присяжной поверенный, в марте месяце удачно выскользнувший из рук разгневанного народа, с возмущением говорил у трибуны окружавшим его людям:

— Безобразие! Полная анархия... Монополия большевиков в толпе! Другая часть демократии в загоне!

Цаплин, заметив его, спросил подчеркнуто спокойно, не тая улыбки на лице:

— Не правда ли, что времена меняются?

Ответ меньшевика потонул в гуле восторженных приветствий людей на речь очередного большевистского оратора.

Рядом стоял Присягин с сияющим лицом, весь преобразившийся при виде людской массы, понявшей правду и готовой пойти за большевиками на любую битву. Не

---

¹ Распорядительное бюро по своим функциям фактически являлось Алтгубисполкомом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Поэтому, заполняя анкету делегата II Всероссийского съезда Советов, М. К. Цаплин подписался как председатель двух Советов — Барнаульского и Алтайского губернского.

спуская замороженного взгляда с человеческого муравейника, он крепко, до боли стиснул руку Цаплина:

— Это же победа, Матвей! Сбывается ленинское предсказание о политическом прозрении масс!

— Несомненно! — с восторгом ответил Цаплин. Присягин продолжил:

— Близок час, когда прозревшая масса рабочих и крестьян пойдет за нами на вооруженное восстание и свергнет власть буржуазии, когда полностью восторжествует лозунг Ленина и партии — «Вся власть Советам!»

17 сентября Барнаульский комитет большевиков телеграфировал Центральному комитету: «Большинство рабочих и солдат идет за нами. Оборонцы теряют влияние. В Совете большинство наше».

На другой день под председательством Цаплина открылся II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Алтайской губернии. Организацию большевиков на съезде представлял Присягин. Резолюции съезда отразили рост влияния большевиков в массах и изоляции соглашателей.

В условиях хозяйственной разрухи особое значение приобретал продовольственный вопрос. М. К. Цаплин с трибуны съезда немногословно, логически четко раскрыл его содержание и значение:

— Какой бы мы вопрос ни задели — продовольственный вопрос зычно заявит о себе. А между тем, разрешить его так просто не представляется возможным, пока вся власть не перейдет в руки народа. Вопрос продовольственный есть вопрос политический, вопрос о переходе власти в руки демократии. Разрешить продовольственный вопрос — значит окончить войну!

Съезд принял резолюцию об упорядочении продовольственного снабжения, содействовавшего борьбе против спекуляции, повышения цен на продукты.

В угоду помещикам и кулакам Временное правительство вскоре повысило цены на хлеб почти вдвое. В Барнауле массы недовольных горожан собирались у продовольственных ларьков, требовали отмены постановления правительства. На Соборной площади толпа в несколько сот человек бросала возмущенные выкрики по адресу представителей губернского комиссариата Временного правительства, городской думы, явившихся сюда для «успокоения разыгравшихся страстей».

— Выходит, закон что дышло: повернул — и прямая польза для Морозовых с Федуловыми вышла!

— У них в амбарах хлеба несть числа, теперь распухнет купецкая мошна!

— Режут власти наполовину иссохшую рабочую брюшину!

Цаплин видел тщетные попытки городского головы эсера Николаева остановить поток острот, резких и оскорбительных для властей. «Ишь как рубят пимокаты! — с удовольствием подумал он. — Молодцы! Еще в девятьсот пятом считались признанными агитаторами».

На заседании Совета Цаплин сделал сообщение о том, что новый закон действительно вел к неслыханному обогащению кулаков, а также барнаульских хлеботорговцев Морозова, Федуловых, Холкина и других и внес предложение поддержать революционные требования масс о продаже хлеба по старым ценам. Большинство голосов Совет решил послать телеграмму Временному правительству в поддержку требований масс. Благодаря решительным действиям Совета в Барнауле удалось временно сохранить прежние цены на хлеб.

В сентябре барнаульские железнодорожники развернули революционную борьбу за свои права. В частности, на собрании они потребовали установления общественного контроля за администрацией Алтайской железной дороги, запрещения увольнения рабочих без ведома профсоюза, увеличения зарплаты и т. д. Меншевики, возглавлявшие в это время профсоюз железнодорожников, принимали все меры к примирению рабочих с администрацией. Совершенно иную позицию в этом вопросе заняли большевики. Матвей Цаплин как гласный Барнаульской городской думы на собрании ее 21 сентября 1917 года выступил с поддержкой справедливых требований железнодорожников, с беспощадным разоблачением контрреволюционной сущности политики Временного правительства. Смелая речь большевистского оратора ударом бича обрушилась на соглашательское крыло думы:

— Правительство, строящее свою политику на соглашательстве с буржуазией, служит не тому, чему оно должно служить. Говорят «нет», но масса средств совершенно непроизводительно идет на войну. Разруха идет и без того. Дума должна протестовать против действий правитель-

ства, не удовлетворяющего справедливых требований железнодорожников.

На Алтае развертывалась работа по выполнению указаний ЦК партии большевиков о подготовке к вооруженному восстанию. Поэтому большевики Алтая готовились к губернской конференции как к смотру собственных сил.

Перед конференцией 29—30 сентября 1917 года состоялось общее собрание партийной организации большевиков Барнаула. Отрядным фактом явилось то, что из 130 членов организации подавляющее большинство составляли рабочие. Помимо рассмотрения основных вопросов повестки дня, собрание единодушно избрало 4 делегата на губернскую партийную конференцию. В их числе был и Цаплин.

Конференция, большевистская по составу, начала работу 2 октября 1917 года. Цаплин доложил делегатам о росте влияния большевиков Барнаула после выхода из объединенной организации, о том, что рабочие охотно вступают в большевистскую партию. В заключительном слове по сообщениям делегатов с мест он отметил, что повсеместное полевение масс будет расти еще более и что, самое главное, массы прочно уверовали в революционную программу. Выступления Цаплина как бы подвели итог предшествовавшей работе большевиков Барнаула и дали основное политическое направление на ближайшее будущее.

Конференция избрала губком партии и поручила ему наметить и провести от Алтайской губернии делегата на II Всероссийский съезд Советов, а также составила список кандидатов в Учредительное собрание. В нем значилась и фамилия Цаплина.

Барнаульский Совет проводил серьезную работу по подготовке рабочих и солдат к вооруженному восстанию. Среди солдат агитация велась через военный отдел Совета. Наглядным свидетельством полевения солдат Барнаульского гарнизона явилось смещение офицерского состава и выборы новых командиров.

Контрреволюционные офицеры главным виновником своего изгнания и «своевольства» солдат считало большевистский Совет и его руководителя Цаплина и, естественно, питало к ним далеко не дружелюбные чувства. Однажды в кабинет к Цаплину, во время его беседы с членами

военного отдела Совета, бесцеремонно ворвался офицер в форме штабс-капитана и развязно спросил:

— Могу я видеть господина Цаплина? — По обращению «господина» Матвей понял, что перед ним — представитель офицерства, оставшегося не у дел по воле солдатской массы.

— Есть товарищ, а не господин Цаплин, — спокойно возразил он и добавил: — Впрочем, я слушаю вас!

— Хорошо, пусть товарищ Цаплин! Имею честь представиться: штабс-капитан Ракин!

Голос офицера звучал насмешливо и презрительно, особенно когда подчеркнуто отчетливо, чуть не по складам произносил слово «товарищ».

— Что привело в Совет товарища Ракина? — спросил Цаплин и заметил, как невысокая коренастая фигура офицера вздрогнула, словно от внезапного укола иглой, лицо передернулось в нервной судороге. Офицер, по-видимому, поборол внезапный прилив бешенства и заговорил усталым голосом:

— Я житель Барнаула, сын регента Петропавловского собора... Так вот, товарищ председатель Совета, никогда ранее в Барнауле не было заведено, чтобы солдаты своими офицерами двигали, как пешками. Это разложение армии происходит с полного одобрения Совета, засевающих в нем большевиков! Мы, офицеры, по вашей воле сегодня никто!

— Я не совсем согласен с вами, — возразил Ракину Цаплин. — Товарищ Сулим — офицер, однако избран солдатами начальником гарнизона, прапорщик Малюков...

Ракин резко перебил:

— Эти люди изменили офицерской чести, а вы ставите их в пример! Я от имени офицерства заявляю протест против незаконных действий Совета и должен предупредить, что мы, офицеры, кадровая военная сила, можем крепко держать оружие и при необходимости умело действуем им! Нам не о чем больше говорить! Прощайте, до возможной встречи!

Ракин бешено повернулся и стремительно вылетел в дверь.

Цаплин, улыбнувшись, сказал, обращаясь к Сулиму и другим членам военного отдела:

— Задело за живое господ офицеров! Обычное явление: чем последовательнее и решительнее действуют рабо-

ние, крестьяне и солдаты, тем озлобленнее становятся их враги!

Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов, его председатель Цаплин большое внимание уделяли созданию вооруженных рабочих отрядов и их обучению. Как и в 1905 году, Цаплин неутомимо проводил эту работу. 12 лет, прошедших со времени создания шуйских рабочих дружин, не укротили творческой энергии Цаплина, а напротив, сделали ее целеустремленнее. В его продуманных, решительных действиях сказывался богатый опыт и знание революционной работы.

Архип Селезнев был его неутомимым помощником в создании красногвардейских отрядов. В их рядах к октябрю 1917 года насчитывалось несколько сот вооруженных рабочих. Большевики Барнаула уверенно шли по пути, указанному Центральным Комитетом партии. Фамилия Цаплина прочно закрепилась в списке активных большевиков, передовых борцов Алтая за дальнейшее развитие революции.

ЗА ТОРЖЕСТВО СОВЕТОВ

4 октября 1917 года Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов обсудил предложение Алтайского губкома РКП(б) о посылке делегатом на II Всероссийский съезд Советов Цаплина. Предложение горячо поддержали члены Совета. Матвей переживал минуты радостного волнения. Предстоящая поездка в Петроград, встречи с ивановскими и шуйскими большевиками — делегатами съезда, возможность впервые воочию увидеть вождя партии, услышать его проникновенное могучее слово — все это было непривычным, новым, неизведанным. Тронутый доверием товарищей, Матвей знал, что делегатская миссия, рожденная и утвержденная этим высоким доверием, потребует от него в дальнейшем неизмеримо большего напряжения сил для блага революции. В душу закрадывалось сомнение: «Хватит ли для того моих сил?» Но при виде многих десятков пар глаз, устремленных на него, при одобрительных дружных возгласах, сливавшихся в единый гул, зародившееся сомнение покинуло Матвея так же быстро и незаметно, как возникло. «Я же не один! Нас много... и у нас хватит сил на все!» Матвей чувствовал себя представителем могучей силы, которая растет с каждым часом и вот-вот властно заявит о себе, пе-

речеркнет страницу истории и откроет новую, не виданную до сих пор, название которой — социализм. «Кто знает, — думалось Цаплину, — возможно, что предстоящий съезд явится началом этой страницы...»

Совет избрал, кроме Цаплина, еще одного делегата на II Всероссийский съезд Советов, Якова Ельковича. Формально Елькович в то время был меньшевиком-интернационалистом, но тесно примыкал к большевикам.

Цаплин выехал в Петроград несколько позже Ельковича: удерживали неотложные дела в Совете. Разруха, царившая в стране, особенно резко бросилась в глаза здесь, на железной дороге. Цаплину в пути приходилось часто пересаживаться из одного вагона в другой. Все они — от маршрутного пассажирского до вагона-теплушки — не имели стекол в окнах, ветер гулял между полок, безжалостно выдувал тепло человеческого дыхания. Железнодорожные составы двигались медленно, словно на ощупь, подолгу застревая на тупиковых ветках станций и даже разъездов. Никто из железнодорожников не мог дать вразумительного ответа на вопрос о графике движения поездов. Для пассажиров, особенно дальнего следования, поездка превращалась в испытание долготерпения.

Цаплин, поглощенный мыслями о съезде, казалось, не ощущал дорожных неудобств, а порой не замечал и течения времени.

На 13-е сутки пути, холодным сырым утром, делегат от Алтая прибыл в Петроград.

Обстановка в городе была напряженная: на улицах собирались толпы народа, вихрем проносились казачьи разъезды, куда-то с молчаливо-сосредоточенными лицами спешили отряды юнкеров, на каждом углу встречались красногвардейские патрули. Группы людей, враждебные друг другу, казалось, заняты были особо важными и срочными для себя делами и потому не замечали окружающего. Цаплин ясно понял по всему происходившему в городе, что приближается какое-то значительное событие, которое приведет в действие все эти группы людей, пока сохраняющих внешнее спокойствие и даже некоторое равнодушие.

По мере приближения к Смольному Цаплина все чаще останавливали вооруженные патрули солдат, матросов, рабочих с красными повязками на рукавах, придирчиво проверяли документы. «Революция не дремлет, сколачи-

зает силы...» — с удовлетворением подумал Цаплин и вдруг вздрогнул от неожиданного окрика:

— Эй, товарищ, остановись! — Наперерез Цаплину шел строгий военной поступью человек в шинели и серой солдатской папахе.

«Не патруль...» — подумал Цаплин, не обнаружив на его руке красной повязки. В голосе человека, в его походке было что-то знакомое. Подойдя почти вплотную, человек с легкой укоризной в смеющемся голосе сказал:

— Нехорошо, Матвей, старых товарищей забывать!

Взгляд ясных, лучистых глаз, звон чистого грудного голоса теперь не вызывали в Матвее никакого сомнения. Он стремительно бросился вперед, и два человека крепко обнялись.

— Извини, Арсений, твое одеяние и мои глаза виноваты. Обидно, что я не первым тебя узнал!

Арсений успокаивающе проговорил:

— Не велика беда, времени прошло немало. — Поднимая оброненную Цаплиным шапку, он подметил:

— Потрепала тебя жизнь, Матвей. В волосах просветы, усами обзавелся. Никак на съезд приехал?

— На съезд от Барнаульского Совета.

— Я тоже — от Шуйского.

К ним подошел солдатский патруль. Один из солдат обратился к Арсению:

— Товарищ Фрунзе, вас делегация Западного фронта разыскивает, поспешите в гостиницу.

— До скорого свидания, Матвей!

У самого Смольного патруль особенно долго проверял документы Цаплина. Начальник патруля, матрос саженого роста, с трудом прочитал мандат, выданный Цаплину, и обратился к низкорослому бойкому солдату, слышшему, вероятно, за грамотея:

— Никонов, где-то будет Барнаульский Совет?

Солдат сделал важное лицо, неопределенно крикнул и, стараясь скрыть пробел в знании географии, не особенно уверенно ответил:

— Это где-то за Казанью будет! Название у Совета татарское...

Матрос заметил на лице Цаплина откровенную улыбку и удивленно спросил:

— Нешто сбрыхал Никонов?

— Немножко есть. Барнаульский Совет находится в Алтайской губернии, в Сибири!

Матрос, забыв отпустить крепкое словцо по адресу сконфуженного Никонова, загудел восторженно-приветливо:

— Ого-го! Вот это здорово! Советы в Сибири! А ну, живо, Никонов, проводи товарища на регистрацию!

До настоящего времени сохранился документальный свидетель, подтверждающий участие Цаплина в работе II Всероссийского съезда Советов, — анкета большевистской фракции съезда. Она заполнена лично Цаплиным и скреплена его подписью. В немногословных скупых ответах на вопросы анкеты выражена полная поддержка политики большевистской партии Барнаульским Советом, рассказано о его деятельности, растущем авторитете. Отвечая на вопрос об отношении Совета к власти, Цаплин среди предлагаемых в анкете форм государственного управления жирной чертой решительно подчеркнул одну: «Вся власть Советам».

Переполненный зал Смольного едва вмещал пеструю массу делегатов. Нигде, как здесь, так явственно и тонко Цаплин не ощущал движения революции, сметавшей преграды на своем нелегком пути в сложной, до мучительного упорной борьбе, революции, призванной побеждать.

Пушечные залпы «Авроры», громившие Зимний дворец — оплот контрреволюции в Петрограде, — слились с могучим победным шквалом возгласов делегатов, когда эсеро-меньшевистский ВЦИК Советов, не согласный с предложением большевиков о количественном и партийном составе президиума съезда, покинул делегатские трибуны.

Какой-то солдат с перевязанной рукой, стоявший вблизи Цаплина, неистово закричал:

— До-игра-ались, со-гла-ша-а-тели!

В голосе солдата, хриплом от простуды, звучало победное торжество, светилось оно и на лицах многих и многих делегатов.

Никогда ранее Цаплину не приходилось видеть такого собрания людей, которые были бы способны на столь непосредственное выражение своего отношения к речам ораторов, к действиям президиума. Грозный гул трепетал в зале, когда на трибуне появлялись люди, уверявшие, что взятие власти Советами равносильно гибели революции.

Но ни взрывы негодования по адресу противников съезда, ни бурные рукоплескания в ответ на речи ораторов и приветствия съезду не произвели на Цаплина столь сильного впечатления, как появление Ленина, его простое, лишенное рисовки чтение проекта воззвания к народам воюющих стран о мире. Ленинские слова то и дело тонули в громе аплодисментов, единодушных жарких криках одобрения всех присутствующих. Цаплин почувствовал, как что-то дрогнуло в его душе, когда вверх взвился ча-стокол рук — единогласное одобрение ленинского декрета о мире. Как по невидимому волшебному мановению, из тысячи грудей одновременно вырвались слова: «Вставай, проклятем заклейменный...» Слова набирали силу, призывная волнующе-торжественная мелодия звучала все увереннее и мощнее. Люди в едином страстном порыве повторяли дороге и желанные сердцу слова: «Конец войне!»

Все дни работы съезда казались Цаплину чем-то необыкновенным, открывшим глаза на новый мир, особенно понятный и близкий теперь! Конец войне, земля крестьянам, рабоче-крестьянское правительство — все это было как раз тем, за что упорно боролся он, Матвей Цаплин, и все присутствовавшие на съезде. Поэтому, про-сиживая бессонные ночи на заседаниях съезда, Цаплин не чувствовал усталости. Все ночи во время съезда у Смольного горели костры, возле которых согревалась охрана. Они казались гигантскими факелами, освещавшими путь в новую жизнь.

С окончанием работы съезда Цаплин отправился в гостиницу. Здесь, в нетопленном номере, вместе с Ельковичем он провел ночь. Бессонница и усталость оказались бессильными сломить высокое нервное возбуждение вчерашних участников съезда. Цаплин чувствовал небывалый прилив энергии. Впечатления от недавних выступлений Ленина, от встреч со Свердловым, Фрунзе между заседаниями съезда невольно направляли мысли к светлому будущему простых русских людей.

Елькович ранее знал Цаплина как внешне сурового, замкнутого человека, обладавшего непоколебимой логикой в спорах с противниками большевиков. Многие считали, что иные свойства души не присущи Цаплину. Вряд ли эти люди предполагали, что верный слуга революционного долга мог страстно предаваться мечтам, го-

ворить о том, что не имело прямого отношения к моменту непосредственных событий. Но как ошибались они! Эта ошибка стала очевидной для Ельковича только в эту бессонную ночь!

Цаплин, возбужденно жестикулируя, ходил по тесной комнате, мечтал открыто, по-юношески, с каким-то особенным подъемом, с безграничной верой в то, о чем он говорил задушевым, проникновенным голосом:

— Надо чаще думать о будущем, чтобы прибавилось сил в борьбе. А это будущее — не за горами. Оно такое прекрасное, что и в мечтах его вообразить невозможно. Можно гордиться тем, что минувший съезд положил начало этому будущему! Чего только не сможет сделать освобожденный до конца человек!

Цаплин возвращался в Барнаул с четкой программой действий для большевистской организации и Совета. Нужно было укреплять Советскую власть, всемерно содействовать ее победоносному шествию.

Цаплин знал, что буржуазия, старый чиновничий аппарат на Алтае были мало организованы, поэтому считал возможным установление власти Советов без открытого вооруженного сопротивления с их стороны.

«Они будут саботировать зло и ожесточенно все начинания новой власти, но это менее страшно, чем вооруженная борьба», — думал Матвей, когда поезд подходил к Барнаулу.

Во время отсутствия Цаплина Барнаульская организация большевиков добилась от рабочих и солдат беспорочной поддержки Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и вела широкую работу по подготовке ликвидации двоевластия в губернии.

Но не дремали и контрреволюция и соглашатели. По примеру петроградских «собратьев» они создали в губернии «Комитет спасения революции». «Спасать» революцию предполагалось от большевиков.

С возвращением Цаплина со съезда большевики Барнаула повели решительную борьбу за претворение в жизнь лозунга: «Вся власть Советам!»

3 декабря 1917 года в первой половине дня на экстренном общем собрании Барнаульской организации большевиков Цаплин докладывал о работе II съезда Советов, о событиях в Петрограде и задачах организации на ближайшее время. Собрание с полной ответственностью за грядущее

щие события приняло решение о ликвидации в губернии контрреволюционной власти.

— Чем быстрее мы это сделаем, тем лучше!

— Пока буржуазия с соглашателями будут судить да рядить, их легче всего спихнуть!

— Надо созвать собрание Совета, пригласить на него представителей рабочих и солдат!

В этих предложениях выражался высокий революционный подъем, непреклонная решимость покончить с властью буржуазии. После собрания большевики направились в профсоюзы пимокатов, строителей, водников и других, в части гарнизона. В результате этих посещений группы рабочих, солдат, служащих поспешно шли в здание Народного дома, чтобы принять участие в расширенном заседании Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов.

На повестке дня стоял один вопрос: «Власть Советов и ее ближайшие задачи». Слово для доклада было представлено делегату II Всероссийского съезда Советов Цаплину.

Матвей стоял на трибуне с мелко исписанными листами бумаги в руках. При виде бурлившего внизу скопления людей, жаждущих услышать слово живого свидетеля событий в Петрограде, так близких сердцу, он понял, что революция докатилась до Алтая, прочно овладела помыслами рабочих и солдат Барнаула.

Когда в зале наступила относительная тишина, Цаплин, не изменяя выработавшейся манере говорить, медленно осмотрел собрание, поднял к лицу сжатые в кулаки руки. Неторопливая, четкая речь плыла в притихшем зале, приковывала к месту людей:

— Рабочие и солдаты в Петрограде свергли контрреволюционное Временное правительство. Установлена народная власть, создано рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров!

Взрыв аплодисментов, мощный «ура» были ответом на эти слова.

— Советская власть должна коренным образом изменить существующий порядок управления и то положение, когда большинством управляет меньшинство. И она это делает...

— Пра-а-виль-но!

— Даешь Советскую власть!

— Долой остатки старой власти!

— Куда смотрит наш Совет!

Председательский колокольчик с большим трудом восстановил тишину.

Свой доклад, проникнутый верой в силу и решительность революционных масс, зовущий к завершению борьбы за власть Советов, Цаплин закончил простым, глубоко взволнованным, боевым призывом:

— Довольно слов, нужно приступать к делу! Только сам народ может спасти Россию!

Один за другим выступали ораторы. Страстные призывы к борьбе, звучавшие в их речах, находили всякий живой отклик в сердцах присутствовавших. В конце заседания член губкома РКП(б) Устинович зачитал резолюцию по докладу и выступлениям с требованием перехода всей власти на местах в руки Советов.

Хлестко прозвучал председательский голос:

— Кто за резолюцию?

В напряженной тишине раздался короткий, резкий шорох, словно от взмаха крыла гигантской птицы: сотни рук одновременно взметнулись вверх.

— Кто против?

Поднялась единственная рука. Человек, дерзнувший выступить против подавляющего большинства, трусливо съежился под прожигающими взглядами сотен глаз, стремительно направился к выходу. По резкой, нервной походке Цаплин узнал Ракина.

На другой день исполком Барнаульского Совета образовал военно-революционный комитет из 6 человек: 3 представителей от рабочих и 3 — от солдат. Цаплин возглавил вновь созданный боевой революционный орган, призванный претворить в жизнь вчерашнее постановление Совета.

Для большевиков — членов военно-революционного комитета — наступила горячая пора: разрабатывались планы подготовки выступления вооруженных отрядов рабочих и солдат, меры по предотвращению действий контрреволюции, намечались пункты первоочередных ударов и т. д. Находясь некоторое время в Петрограде после II съезда Советов, Цаплин тщательно изучал опыт военно-революционного комитета. Использование этого опыта Барнаульским комитетом содействовало успехам в его работе.

— Самое главное — нанести одновременный удар по чувствительным местам контрреволюции, не дать ей воз-

возможности использовать милицию против солдат и красногвардейцев, — говорил Цаплин.

6 декабря 1917 года исполком Барнаульского Совета приказом отозвал своих представителей из «Комитета спасения революции» и объявил его распущенным. В приказе говорилось, что вся власть в губернии, впредь до созыва съезда Советов, передается военно-революционному комитету. Контрреволюция во главе с губернским комиссариатом, Барнаульской городской думой и уездной земской управой намеревалась арестовать членов исполкома Совета.

Военно-революционный комитет ответил решительными действиями. 7 декабря были приведены в действие революционные силы: отряды красногвардейцев и солдат во главе с комиссарами двинулись к буржуазным учреждениям. Первым следовало закрыть ведущий орган власти бывшего Временного правительства — губернский комиссариат и положить конец двоевластию. Эту миссию взял на себя Цаплин. В сопровождении нескольких красногвардейцев он пришел в здание комиссариата. В пустом коридоре безлюдно и так тихо, что отчетливо слышна мягкая поступь маятника громадных часов. Вот и массивная бронзовая ручка на двери кабинета губернского комиссара Огорокова, инженера, владельца дрожжевого завода, ярого противника революции. На стук в дверь откликнулся басовитый голос:

— Войдите!

Огороков, еще не старый мужчина, одетый с претензией на изысканность, при виде вооруженных людей застыл в кресле. Потом сухо спросил:

— Что вам угодно, господин Цаплин?

Тоном судьбы, читающего суровый, но справедливый приговор, Цаплин коротко ответил:

— Власть в центре перешла полностью в руки Советов. Отныне и в Алтайской губернии она принадлежит военно-революционному комитету. Губернский комиссариат считается распущенным!

Огороков поднялся из-за стола, оделся и молча, с достоинством удалился.

Операция по взятию власти в городе военно-революционным комитетом проходила успешно. В здании Совета, где размещался комитет, в эти дни царил необычный оживление: то и дело вбегали начальники боевых отрядов с

красными повязками на рукавах, расталкивали толпившихся в коридорах вооруженных людей, врываются в комнату комитета и четко, по-военному докладывали:

— Товарищ Цаплин, почта и телеграф заняты вверенным мне отрядом!

— Милиция не оказала никакого сопротивления!

— Служащие банка прекратили саботаж и приступили к своим обязанностям!

Прапорщик-большевик Малюков сообщил по телефону о занятии тюрьмы отрядом революционных рабочих и солдат. Следовали все новые и новые доклады, телефонные звонки, оповещавшие о том, что контрреволюция сдает одну позицию за другой.

Цаплин и члены комитета делали короткие записи по докладам, подсказывали, что еще необходимо сделать для полного закрепления победы.

В помещениях городских учреждений собирались митинги рабочих, солдат, служащих. По поручению комитета Михаил Ярков едва успевал открывать их.

— Отныне, товарищи, власть наша! До сего времени Россией управляли 40 тысяч царских чиновников, теперь будем управлять мы, рабочие!

Гром аплодисментов разрывает тишину, в нем теряются последние слова речи Цаплина. Раздаются настойчиво-требовательные голоса, к которым присоединяются хором остальные:

— Ежастого — со стены долой!

— Бабку отступницу — заодно с ним! На свалку их!

Людская масса закипает, приходит в движение. Десятки рук тянутся к стенам, где висят портреты Керенского, Брешко-Брешковской. Так революционные массы повсеместно откликались на падение буржуазной власти.

На плечи большевистской организации Барнаула, военно-революционного комитета и его председателя Цаплина легла вся тяжесть работы по установлению революционных порядков, по слову старого аппарата управления, созданию новых, советских учреждений. Барнаульская городская дума, губернская и уездная земские управы наотрез отказались признать власть военно-революционного комитета и всячески противодействовали ему, организуя саботаж банковских, почтово-телеграфных служащих и т. д. Городская дума обратилась с воззванием к населению не признавать новой власти.

Грозным предупреждением клеветническим контрреволюционным выпадам думы послужило ответное воззвание комитета, в котором населению разъяснялась лживость политики буржуазных последышей и соглашателей, указывалось, что дума является органом хозяйственного управления, а не политической власти. Комиссары, назначенные военно-революционным комитетом: продовольствия — Решетников, военный — Ненашев, банка — Кауфман, почты и телеграфа — Онучин, управления Алтайского округа — Беляев — контролировали деятельность соответствующих учреждений.

10 декабря 1917 года в Народном доме состоялся митинг трудящихся города. С докладом о деятельности военно-революционного комитета за истекшие 3 дня выступил Цаплин.

Никогда ранее здесь не собиралось такого количества людей. Две тысячи человек пришли, чтобы услышать доклад представителя новой власти, принять участие в его обсуждении. Проходы между рядами, балкон, входы в зрительный зал и даже сцена были заполнены людьми.

Цаплин подробно рассказал о сущности и задачах Советской власти, работе военно-революционного комитета, указал на необходимость тесного сплочения рабочих, солдат, крестьян для успешной борьбы с контрреволюцией.

Председатель собрания Устинович, переждав бурные всплески аплодисментов, обратился к присутствующим:

— Кто одобряет действия военно-революционного комитета — прошу поднять руки!

Зал ошестинился частоколом рук. Из всей массы людей лишь четыре человека воздержались от голосования и ни один не выступил против резолюции по докладу.

В фойе, коридорах, в вестибюле, возле раздевалки — не протолкаться. Здесь также слушали своих ораторов, членов барнаульской организации большевиков, оживленно обсуждали вопрос о власти. Всюду слышались возгласы одобрения:

— Правильно действовал комитет!

— Лишить саботажников продовольственного пайка!

— Думским законам — огонька под пятки!

В этот же день Цаплин побывал на заседании городской думы. Он приехал в думу в тот момент, когда заседание было уже открыто и городской голова Николаев слезно жаловался на «незаконные» действия военно-рево-

люционного комитета, выразившиеся в захвате власти. Хотя думская верхушка громко назвала заседание «экстренным», оно шло вяло, чувствовалась растерянность сторонников старого режима перед представителями новой народной власти, которые сидели здесь.

Выступление Цаплина, спокойное и уверенное, в котором разоблачались контрреволюционные планы думы, окончательно парализовало ее правое крыло.

— Позиция военно-революционного комитета совершенно открыта, он опирается на доверие народа, и на происходящем в настоящее время митинге в Народном доме говорят, что комитет действует правильно... Совет выражает интересы трудящихся классов, интересы крестьянской бедноты, рабочих и солдат, которые составляют большинство населения. В борьбе с Советской властью городская дума встает на сторону имущих классов, которым Советы объявили войну и не откажутся от нее...

Так же прозвучали выступления других депутатов-большевиков. Дума не могла им противопоставить чего-либо реального: почва безвозвратно ускользала из-под ее ног. Правда, заседание упорно отказывалось выполнить требование Цаплина о выдаче взаимнообразно из банка 300 тысяч рублей военно-революционному комитету для оказания помощи солдатским семьям. Этим оно стремилось вызвать недовольство широких масс новой властью. Но правое крыло думы не было уверено в том, что может сорвать мероприятия комитета.

В этот же день большевистская организация, военно-революционный комитет Барнаула приняли решение о назначении в банк второго комиссара с правами управляющего — Цаплина. Сила революционного авторитета и, главное, умение Цаплина действовать решительно с учетом сложившейся обстановки и на этот раз содействовали успешному решению задачи: необходимая сумма была взята из банка, пособие солдатским семьям своевременно выдано.

Для всех становилось ясным, что Советская власть прочно установилась в Барнауле. Необходимо было распространить ее на всю территорию Алтайской губернии. Барнаульский военно-революционный комитет, выполняя указания губернской и городской партийных организаций, 24 декабря 1917 года разослал в села Алтайской губернии циркуляр, в котором говорилось:

«Барнаульский военно-революционный комитет, представляющий временно высшую власть Рабоче-Крестьянского правительства в Алтайской губернии, предлагает немедленно по получении сего организовать в селе (волости) по прилагаемому проекту Совет крестьянских депутатов, являющийся единственно законной властью на месте.

Конечно, организовать Советскую власть в уездах губернии только высылкой циркуляров было невозможно. Требовалось развернуть энергичную работу против эсеро-меньшевистского влияния на крестьянские массы, разъяснить политику Советской власти в деревне. Цаплин в числе других видных деятелей большевистской организации Барнаула, таких, как Присягин, Устинович, много сил и энергии отдал организации Советской власти в алтайской деревне, для чего неоднократно выезжал туда.

...Шло время. Советская власть в начале 1918 года повсеместно установилась на Алтае. Барнаульский военно-революционный комитет постепенно ограничивал свою деятельность борьбой против контрреволюции и саботажа. Имя Цаплина, возглавлявшего Барнаульский Совет, военно-революционный комитет, распорядительное бюро Советов — фактические органы власти в губернии, становилось все более ненавистным для контрреволюции. Кадеты, представители других буржуазных партий, соглашатели — меньшевики и эсеры, знавшие Цаплина в золотое для них время, при случайной встрече с ним в эти дни расплывались в почтительных улыбках, за которыми таили в душе желание жестоко отомстить за свой рухнувший престиж.

Между тем партийный и революционный авторитет Цаплина рос с каждым днем. В феврале 1918 года его избрали членом нового Алтгубкома партии, в котором ему, наряду с Присягиным, принадлежала ведущая роль, а в марте — членом Барнаульского партийного комитета.

Важным событием в политической жизни Алтайской губернии явился II Алтайский губернский съезд крестьянских депутатов 27 января — 3 февраля 1918 года. Исполком Совета крестьянских депутатов работал самостоятельно и в основных вопросах поддерживал деятельность Барнаульского Совета. Однако раздельное существование Советов в известной степени являлось организационным

тормозом в их работе. Съезд, направляемый большевиками Устиновичем и Онучиным, принял революционные решения по обсужденным вопросам, одобрил деятельность Барнаульского военно-революционного комитета по установлению Советской власти и создал губернский исполнительный комитет с пропорциональным представительством в нем членов: 20—от съезда Советов крестьянских депутатов, 10—от Совета рабочих и солдатских депутатов Барнаула. 19 февраля 1918 года исполком Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов на своем заседании избрал 10 членов Алтайского губисполкома. Первой в списке стояла фамилия Цаплина.

На пути Советов Алтая к упрочению власти трудящихся стояли серьезные преграды: противодействие со стороны контрреволюционной городской думы и управы, губернского земства, а также хозяйственная разруха и тяжелое финансовое положение. Решительные действия партийной организации Барнаула, военно-революционного комитета положили конец тлетворной, разлагающей работе думы, контрреволюционной газеты «Жизнь Алтая», губернского земства. В их ликвидации активная роль принадлежала Цаплину. Он возглавлял один из наиболее ответственных участков работы Алтгубисполкома — финансовый. По его инициативе было проведено такое важное мероприятие, как обложение прогрессивно-подоходным налогом имущей части населения губернии. Советы Алтайской губернии получили средства, на первых порах обеспечившие им возможность нормальной работы.

В марте 1918 года на IV Всероссийский съезд Советов делегатом от Алтайской губернии поехал Ерушев. Цаплин передал с ним письмо Я. М. Свердлову, с которым был хорошо знаком по Нарымской ссылке:

— Отдай Якову Михайловичу да Расскажи о делах и нуждах на Алтае!

Письмо Ерушев вручил Свердлову в присутствии Ленина, который в разговоре проявил живой интерес к работе Советов на Алтае.

Алтайская губерния могла оказать помощь хлебом рабочим центра республики. Алтайская деревня нуждалась в товарах. По предложению Цаплина Советы Алтая сделали первые практические шаги в организации обмена товарами. В марте 1918 года Барнаульский Совет постановил срочно послать Шуйскому Совету в ответ на его теле-

грамму муки из запасов городской продовольственной управы. Алтай же получил необходимые товары.

В водовороте практической революционной созидательной работы Цаплин отдавал все силы, знания политическому воспитанию масс. Эрудированный оратор, он умел захватить слушателей своей неторопливой, но страстной, доходчивой и логически сильной речью.

18 марта 1918 года Барнаульская организация большевиков и Совет провели торжественное собрание, посвященное дню Парижской коммуны. Докладчиком выступал Цаплин. Барнаульские трудящиеся с затаенным дыханием слушали доклад.

— Нерешительность в некоторых вопросах погубила Коммуну... И что же? Буржуазный Версаль жестоко отомстил народу за попытку взять власть в свои руки. Для версальцев, ослепленных жаждой мести, не существовало понятий чести и простого милосердия. В кровавый пир превратилась расправа над коммунарами. Буржуазные дамы, роскошно, по-праздничному разодетые, благоухавшие тонкими ароматами бесподобных французских духов, со смехом выкалывали зонтиками глаза раненым пленным коммунарам...

В зале тихо-тихо. Из дальнего угла залы донесся чей-то несмелый скорбный вздох, другой, третий, послышались приглушенные судорожные всхлипывания женщин. Кажется, пройдет минута — другая, чувства людей прорвут слабеющую оболочку сдержанности — и залу заполнит сплошной вопль скорби и гнева. Но оратор искусно и неожиданно пробудил в людях иные чувства. Его голос прозвучал предостерегающе и призывно громко:

— Помните, товарищи, нам не будут страшны любые черные силы, если мы с вами учтем уроки Коммуны, будем зорко охранять завоеванную кровью миллионов простых людей Советскую власть... Советская власть — подлинно народная власть. При вашей полной поддержке она раздавит всякую контрреволюционную мразь и не допустит кровавой расправы над народом!

Единодушный взрыв рукоплесканий, одобрительных возгласов, слившихся в один победный радостный крик, всполошили тишину, безраздельно царившую в зале всего лишь несколько секунд назад, заставили тонко зазвенеть оконные стекла.

Цаплин ушел с трибуны, а человеческая буря долго не

утихала. Ей было тесно в каменных стенах здания, и казалось, что сейчас она была способна снести любые преграды на своем пути.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

Алтайские большевики и Советы, руководимые ими, вышли победителями в борьбе с контрреволюцией. Цаплин видел воочию, как за несколько месяцев, наполненных кипучей работой по проведению в жизнь декретов Советского правительства, высоко поднялся авторитет большевистской организации и Советов в глазах широких трудящихся масс Алтая. Дни шли напряженные: приходилось решать множество вопросов политической и хозяйственной жизни губернии, еще не имея достаточного опыта и навыков.

В мае 1918 года в Поволжье и Сибири начался контрреволюционный мятеж. Против неокрепшей Советской республики с оружием в руках выступил корпус военнопленных чехов. Иностранцы империалисты, русская контрреволюция от монархистов до соглашателей, ввергнув обманутых ими чехов в пучину гражданской войны, всячески стремилась раздуть ее. Война на первых порах оказалась успешной для них.

В Барнауле пока ничего не знали о надвигающихся грозных событиях. В здании бывшего управления Алтайского округа, где находился теперь Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов, шла напряженная работа. Для Цаплина и других членов Совета стало обычным работать до глубокой ночи. В таких случаях Цаплин, чтобы не тратить напрасно времени, оставался ночевать в здании Совета. Сдвинутые стулья заменяли кровать, а старенький тулуп, зимнее одеяние охраны Совета, — постель.

Поздним часом в ночь на 26 мая 1918 года в кабинете Цаплина сидели несколько человек. Неторопливый разговор, вялые движения людей говорили о их усталости, желании прилечь где-нибудь здесь же и забыться в крепком сне. И вдруг неожиданно продолжительно и надсадно зазвонил настенный «Эриксон». Телефонный звонок, необычный для такого времени, прогнал усталость, заставил людей насторожиться. Цаплин снял с рычага аппарата трубку. Лицо его, на первых порах выразившее недоуме-

ние, сторожало по мере того, как до него доходил смысл услышанного.

— Я Новониколаевск. Силами восставших чехов, при поддержке истинно русских людей, верных Родине, Советская власть здесь свергнута... От имени объединенного командования предлагаю подготовить Барнаул к капитуляции!

В ответ на наглый ультиматум контрреволюции, опьяненной временной победой, по проводу полетели чеканные, гордые и вместе с тем простые слова Цаплина:

— Мы до последней капли крови будем защищать завоевания революции!

В телефоне послышались угрозы, сопровождаемые отборной руганью. Цаплин повесил трубку и обратился к присутствующим:

— Контрреволюция подняла мятеж. Пока трудно судить о ее силах, но нам нужно быть готовыми к боям. Против Советской власти выступили чехи, русская контрреволюционная нечисть! Новониколаевск пал!

Остаток тревожной ночи для Цаплина и других членов исполкома прошел в горячем обсуждении создавшегося положения. Утром собралось экстренное заседание губкома партии, которое возложило на военно-революционный комитет во главе с Цаплиным организацию обороны губернии от контрреволюции. В профсоюзы, рабочие коллективы пошли большевики с призывами вступать в Красную гвардию.

Весть о выступлении контрреволюции вскоре облетела весь город. Тая довольную улыбку на лицах, по улицам шмыгали какие-то подозрительные люди, чутко прислушивались к разговорам. Трусливо озираясь по сторонам, они при удобном случае бросали ядовитые, короткие фразы:

— Поцарствовали большевики!

— С чужого коня среди грязи долой!

Толпы рабочих, служащих, горя желанием точнее узнать о причинах царившей в городе тревоги, поспешно бежали на митинг в Народный дом и на колкие слова шептунов успевали ответить лишь ледяными, презрительными взглядами.

В зале Народного дома тесно, жарко и душно от людского скопления. От имени губкома партии и губисполкома с докладом по текущему моменту выступил Цаплин.

В зале прокатывался грозный рокот негодования, слышались горячие возгласы, когда речь шла о выступлении контрреволюции:

— К оружию!

— Топорами по шее контрреволюции!

— Немедленно на Новониколаевск!

Цаплин говорил с большим душевным подъемом. Каждое его слово западало глубоко в души людей, рождало страстное стремление к борьбе.

— Великие завоевания революции мы будем защищать своей мозолистой рукой! — закончил Цаплин свой доклад.

Тут же началась запись добровольцев в отряды Красной гвардии. К столам, уже поставленным в фойе, вестибюле, подходили водники, пимокаты, шубники, строители, железнодорожники, произносили с твердой решительностью в голосе:

— Пиши!

Военно-революционный комитет через губисполком обратился с призывом к крестьянам и бывшим солдатам за поддержкой в борьбе против контрреволюции:

«Пусть не дрогнет мужицкая рука! Надо встать под красное знамя свободы вместе с братьями-рабочими и с оружием в руках защищать свое гражданское право, надо дать отпор общему вековечному врагу — буржуазии, контрреволюционерам, белой гвардии...»

Вздывая дорожную пыль, из близлежащих сел двинулась в Барнаул крестьянская беднота под боевые знамена защитников революции.

Военно-революционный комитет не знал отдыха ни днем, ни ночью. На плечи Цаплина легла основная тяжесть напряженной работы по созданию красногвардейских отрядов, их вооружению и спешному обучению.

Отряды Красной гвардии пришли из Бийска, Горного Алтая, Камня. У станции Черепаново Красная гвардия Алтая, сравнительно малочисленная, дала бой превосходящим силам контрреволюции, которая никак не ожидала столь упорного сопротивления на своем пути со стороны трудящихся Алтая. В черных списках контрреволюции на первом месте появилась фамилия Цаплина — одного из активнейших организаторов вооруженной борьбы масс. Из Омска, с Западно-Сибирского съезда большевиков, благополучно миная опасность быть схваченным в пути белогвардейцами, возвратился в Барнаул Присягин. Из

его рассказов стало ясным, что контрреволюция примет все меры к быстрой ликвидации Советской власти, что ее недавнее требование о капитуляции Барнаула опиралось на реальные военные силы. Именно поэтому Цаплин, как и другие большевики Алтая, стремился сделать все возможное для вооруженного отпора контрреволюции. Фронт Красной гвардии Алтая под натиском превосходящих сил противника постепенно откатывался к Барнаулу. Среди красногвардейцев появились нарекания на нерешительные действия своего командования. Цаплин внес на рассмотрение военно-революционного комитета вопрос о своей поездке на фронт с целью выяснения и устранения недостатков в командовании.

В самом Барнауле положение было беспокойным. Поступали неясные сведения о существовании подпольной белогвардейской организации. Отъезд Цаплина на фронт мог содействовать активизации действий белогвардейцев. На фронт выехал член военно-революционного комитета Ненашев. Враг усиливал натиск на красногвардейские позиции.

10 июня 1918 года военно-революционный комитет отправил из Барнаула на ст. Алтайскую свой последний резерв — коммунистическую роту, оставив для несения караульной службы ничтожную горстку красногвардейцев. В городе царил тишина. Цаплин знал, что за ней могла скрываться опасность возможного выступления барнаульской контрреволюции, и поэтому немногочисленные красногвардейские патрули были расставлены с расчетом охраны, в первую очередь, ревкома.

Вечером над городом пронесся протяжный и басовитый пароходный гудок. Барнаульские обыватели, до этого не дерзавшие выходить на улицы, дружно захлопали ставнями, задвигали дверными засовами, полагая, что гудок являлся сигналом тревожных событий.

С пристани в ревком доложили по телефону:

— Товарищ Цаплин! Из Камня прибыли барнаульские красногвардейцы-водники во главе с Ярковым и Корчемкиным!

Цаплин хорошо уловил в незнакомом голосе оттенок радости. Ревком знал, что Советская власть в Камне пала. Однако до настоящего момента не было точных сведений о судьбе красногвардейского отряда барнаульских водников, посланных ревкомом на помощь Каменскому Совету.

Вскоре красногвардейцы пришли в ревком. Цаплин предложил им пойти на отдых.

— Завтра подробно расскажете обо всем, — перебил он начавшего было докладывать Яркова и направился проверить караулы.

Стояла безмятежно-спокойная черная июньская ночь с густой звездной россыпью на небе. Город забылся в безмолвной дремоте. Совсем рядом шаркали по дереву механические пилы лесопильного завода, изредка раздавался строгий окрик патруля: «Стоять! Кто идет?» Цаплин вернулся к себе в кабинет и решил связаться по телефону с фронтом Красной гвардии Алтая у станции Алтайской. Но связь оказалась прерванной. В душе Цаплина родилось смутное и тревожное подозрение.

— Надо немедленно восстановить связь!

Срочно вызванным в ревком Решетникову, Ильиных, Яркову и Соколову Цаплин дал задание:

— Садитесь в автомобиль, поезжайте на станцию и срочно установите связь с фронтом!

Не прошло и часа, как над сонным городом заняли тревожные пароходные и заводские гудки, раздался беспорядочный треск винтовочных выстрелов.

— Товарищ Цаплин, в городе белогвардейский мятеж! — доложил начальник караула. В ответ последовали четкие приказания:

— Занять круговую оборону в здании Совета! Часть красногвардейцев-водников послать в тыл белогвардейцам! Не допускать окружения Совета!

Белогвардейская дружина, численностью до 300 человек, хорошо вооруженная и обученная, беспрепятственно заняла здание гимназии напротив Совета и реального училища с северной стороны Демидовской площади.* Немногочисленные защитники Совета оказались под фронтальным и фланговым огнем противника. Белогвардейцы не жалели патронов. Пули глухо шлепались о толстые кирпичные стены фасада, отбивая штукатурку, с тонким звоном сверлили оконные стекла. Пренебрегая опасностью, Цаплин, подобно другим защитникам Совета, время от времени появлялся в узком просвете раскрытого окна и, тщательно выцеливая близорукими глазами, стрелял в

---

* Ныне в этих зданиях размещены учебные корпуса сельскохозяйственного института.

сторону противника. Неожиданно зазвонил безнадежно умолкший было телефон. «Телефонная станция в наших руках!» — мелькнула мысль.

Цаплин услышал задыхающийся от волнения голос:

— Автомобиль обстрелян на пустыре, по пути к вокзалу, у водонапорных баков. Убит ехавший с нами студент Аркаша Третьяков. В городе выступили белогвардейцы...

Это с винного склада докладывали о случившемся Ильиных и Ярков. В склад они пробрались, спасаясь от белогвардейцев.

Цаплин сказал:

— Немедленно пробирайтесь на вокзал! Верните с Алтайской коммунистическую роту. Совет под обстрелом. Будем держаться до прихода роты!

За окнами здания, покрывая винтовочную трескотню, неожиданно раздался взрыв. Цаплин, низко пригибаясь, выскочил во двор, чтобы узнать, что произошло. Посредине двора суетился с веселым, задорным выражением на лице высокий сухощавый человек, кочегар с парохода «Смелый» — австриец Иоганн. Рядом с ним стоял другой красногвардеец, также, видимо, увлеченный какой-то интересной затеей. Не успел Цаплин задать вопроса, как раздался гром — и через крышу здания с воем и визгом что-то пролетело. Где-то на площади ответным эхом раздался взрыв.

— Паник — большое дело на война! — пояснил австриец, когда Цаплин подошел к нему.

На треноге стоял ржавый ствол бомбомета, высоко вверх задрал жерло, из которого струился слабеющий дымок.

Неугомонный Иоганн не умолкал:

— Взяль со склад, поправиль! Десять бомба — много шум!

Опять гром и ответный взрыв.

Цаплин стоял безмолвный, с благодарной улыбкой на лице. Винтовочная стрельба белогвардейцев несколько ослабела: искалеченный бомбомет сыграл свою роль.

День 11 июня 1918 года был в полном разгаре. Противник, поняв, что не долетавшие до цели бомбы не причиняют никакого урона и лишь пугают своими взрывами, усилил огонь. Но время работало на защитников Совета. Сквозь шум боя на площади отчетливо слышалась приближавшаяся пулеметная дробь, винтовочная пальба. Все

реже клубились дымками выстрелов окна гимназии и реального училища.

— Наши идут! — радостно оповестил красногвардеец-пимокат Цаплина и Присягина, сидевших вместе.

Белогвардейцы во главе со штабс-капитаном Ракиным в беспорядке отступили и рассыпались в Барнаульском бору перед коммунистической ротой, возвращенной со ст. Алтайской заместителем председателя Барнаульского Совета Михаилом Казаковым.

Несмотря на победу Красной гвардии в Барнауле, обстановка складывалась в пользу контрреволюции. Пришедшие красногвардейские отряды: кольчугинские шахтеры во главе с коммунистом Суховым и из Семипалатинска — принесли нерадостные вести. Белочешские и белогвардейские части заставили красногвардейцев отступить с Алтайской и занять оборону на новом рубеже — по левому берегу Оби, в самом Барнауле. Переправа сил противника через Обь выше Барнаула у деревни Ересной и ниже — у Гоньбы — грозила красногвардейцам окружением. По совместному решению губкома партии и военнореволюционного комитета Красная гвардия утром 15 июня 1918 года покинула Барнаул.

На ст. Алейской пестрая людская масса вывалила из вагонов. На митинге красногвардейцев выступил Цаплин. В его голосе звучала твердая уверенность в победе над контрреволюцией.

— Мы должны создать отряд Красной гвардии с единым командованием. Отряд пробьет вражеское кольцо и соединится с Красной Армией. В нем не должно быть слабых и малодушных. Кто не способен выдержать тяжелых испытаний в боях, пусть идет домой!

Таких нашлось немного. Сводный отряд Красной гвардии возглавил Петр Федорович Сухов, а штаб — бывший поручик Сулим. На совещании штаба было принято предложение Цаплина о том, чтобы отряд при своем движении не отрывался далеко от крупных населенных пунктов и линии железной дороги. По пыльным проселочным дорогам отряд направился к линии Сибирской железной дороги, в надежде достичь Омска и соединиться с частями Красной Армии. С первых же дней рейда командование не имело точных сведений о положении в Омске, о соотношении в Сибири сил контрреволюции и защитников Советской власти. Движение по глубоким тылам противника

было сопряжено с большими трудностями. В каждом крупном населенном пункте предстояли бои с противником, в которых таяли силы отряда.

Цаплин, Присягин, Казаков, Карев отделились от отряда и пошли впереди его. Этим они преследовали единственную цель — выбраться незамеченными из вражеского окружения и привести отряду вооруженную помощь.

В жаркий июньский полдень четверка зашла в деревню Луковку. На улицах царило оживление, обычное для воскресного дня: слышался смех, песни, проходили компании подвыпивших крестьян, вихрем налетали толпы босоногих ребятишек, пытливо оглядывая незнакомцев.

В центре деревни наткнулись на пять человек. По одежде они не походили на крестьян. Один из них очень внимательно поочередно вгляделся в Цаплина и Присягина и заговорил с едкой насмешкой в голосе:

— Старые знакомые! Вот это встреча! Выходит, откомиссарились, товарищи!

Цаплин узнал учителя, эсера Филимонова, которого ранее встречал в Барнауле. Вокруг собирались любопытные.

— Вязать большевиков! — прохрипел в бешенстве Филимонов.

Сопrotивление и применение оружия в самом центре деревни было бессмысленным, это могло вызвать враждебные действия крестьян, толком не понявших, в чем дело. Цаплин и его товарищи через минуту стояли с крепко скрученными за спинами руками.

Дальнейшее совершалось по команде Филимонова. Ткнув пальцем в Присягина, он с ненавистью сказал своим собратьям:

— Этот особо опасный. Идеальный... глава барнаульских большевиков.

Цаплин увидел, как мелькнул в воздухе чей-то большой кулак, со страшной силой ударил по лицу Присягина. Брызги крови коричневым крапом легли на белую сорочку палача. Занесенный для нового удара кулак вдруг нехотя и вяло опустился: среди собравшихся крестьян пробежал ропот возмущения:

— Пошто самосуд чините?

— Пусть власти разберутся!

Филимонов с угодливым согласием сказал:

— И это верно! На сборню, под замок их!

На другой день арестованных усадили на подводы, чтобы отправить в Панкрушиху, а затем в Камень. То и дело подходили крестьяне, приносили хлеб, яйца, молоко, сочувственно качали головами.

Утром 23 июня подводы въехали на улицы Камня. Возле тюрьмы собралось местное офицерье с «невинной» целью поиздеваться над арестованными. Знакомый офицер барнаульского гарнизона, дико выкатив белки глаз, подбежал к Цаплину, торжествующе заревел:

— Попался, вершитель судеб! Мыла на веревку не пожалеем!

От офицера несло винным перегаром, смешанным с тонкими запахами духов. Цаплин отвернулся, стараясь не слушать неистощимого потока офицерского красноречия, грубого и оскорбительного...

Через два дня ночью Цаплина и его товарищей тюремная стража вывела из общей камеры. Путь арестованных пролегал по безлюдным улицам приобского городишка. Из кривого переулка потянуло прохладой. Вскоре показалась черная лента воды. Донесся шум пристанских причалов: шипенье пара, крики людей, грохот закатываемых по трапам бочек.

Арестованных поместили в каюту пассажирского парохода.

Кто-то из сердобольных пассажиров хотел заказать для них в буфете ужин. Бдительная стража немедленно перевела арестованных в трюм. Здесь стоял тошнотворный запах селедки, соленой кеты, машинного масла и керосина. Было душно и жарко. Пароход отчалил от берега. Трюм наполнился громом пустых железных бочек, перекатывавшихся с места на место, шумом машины. Как в лихорадке, вздрагивало пароходное днище.

Через некоторое время арестованных вывели из трюма и пересадили на небольшой буксирный пароход, который возле Шелаболихи бросил якорь посредине реки. Цаплин спросил у стражи:

— Когда кончится наша прогулка по Оби?

— Скоро!

— Почему мы стоим?

— Ожидаем распоряжения из Барнаула.

Цаплин не испытывал чувства страха перед неизвестностью. В кругу близких боевых товарищей речное путешествие с загадочными пересадками и остановками каза-

лось временным приключением, которое должно кончиться обязательно благополучно.

Утром, проснувшись первым, Цаплин заметил по плывущим корягам, быстро убегавшим берегам, что пароходик изменил курс и идет вниз по течению. Когда позади остался Камень, для арестованных стало ясно, что пароходик следует в Новониколаевск. Однако там они пробыли недолго: последовал перевод в Барнаул. Барнаульская контрреволюция получила полную возможность свести счеты с Цаплиным. В своих отношениях к нему она проявила два чувства — жгучей ненависти и страха. Цаплина чаще других возили на допрос в город, причем обязательно со связанными руками. Контрреволюционеры каждую такую поездку превращали в дикую забаву для себя. Как только повозка подъезжала к березовой кладбищенской роще, в нее летел град камней.

Следователи-садисты от души хохотали, когда стража вводила к ним избитого, окровавленного Цаплина, и не упускали случая бросить язвительное замечание:

— Парадоксально! Глава народной власти избит самим народом!

В верхние одиночные тюремные камеры, в которых сидели Цаплин, Присягин, Казаков, с воли просачивались тревожные вести о разгуле барнаульской контрреволюции. Местное офицерье во главе с комендантом города штабс-капитаном Ракиным вершило в городе полный произвол. Успех в борьбе против Советской власти офицерская свора отмечала частыми попойками, во время которых совершались грязные, бесчеловечные поступки в отношении политических заключенных. Жертвы подвергались неслыханным моральным и физическим издевательствам, а затем, замученные до полусмерти, зверски убивались. Кровавое развлечение у белогвардейских молодчиков носило невинное название «голова на десерт». Тревожный шепот пополз по тюремным камерам, когда дежурный Барнаульского полка запросил от тюремной администрации сведения о Цаплине, Присягине, Казакове, Фомине. Контрреволюция в первую очередь решила расправиться с Цаплиным.

Присягин сумел переправить оставшимся на воле барнаульским большевикам записку, в которой говорилось:

«Товарищи, нужно приложить все усилия к освобож-

дению Цаплина. Ему первому грозит опасность быть убитым...»

Поздним вечером 26 сентября 1918 года в тюрьму явился конвой во главе с прапорщиком Еремеевым и предъявил требование за подписью Ракина о немедленной выдаче заключенных Цаплина, Присягина, Казакова, Фомина.

— Для какой цели? — спросил, соблюдая форму, дежурный помощник начальника тюрьмы. С многозначительной улыбкой на лице, нетвердым полупьяным голосом прапорщик ответил:

— Для перевода в Новониколаевск!

В коридоре загромыхали тяжелые запоры, уныло запели петли раскрываемых настежь массивных дверей, послышался шум возни. И вдруг люди, прикившие ушами к дверям своих камер, в ужасе отшатнулись прочь — тюремные стены потряс крик, ледящий кровь:

— Прощайте, товарищи! Нас уводит пьяная банда офицеров!

Далеко за стенами тюрьмы, таясь от постороннего слуха, глухо прозвучали хлопки выстрелов. Возле корчившихся в агонии людей суетился офицер, строго наказывая:

— Добивать без жалости! Особенно этого...

Несколько пуль из револьвера одна за другой пронзили безжизненное тело Цаплина.

— Все кончено! — послышался чей-то голос.

— Отнести подальше, зарыть так, чтобы самый острый глаз не обнаружил, что здесь земля вскопана!

Штабс-капитан Ракин, опьяненный запахом крови, дрожащей рукой вкладывал револьвер в кобуру.

* * *

В ноябре 1918 года к власти в Сибири пришел ставленник иностранных империалистов — царский адмирал Колчак, который объявил себя «верховным правителем России».

Колчаковщина явилась самой откровенной, разнузданной и кровавой диктатурой помещиков и капиталистов. Она принесла народу массовые порки, виселицы и расстрелы.

Но трудящиеся Сибири хорошо знали, что по ту сторону Уральского хребта продолжала жить и бороться моло-

дая Советская республика, что эту борьбу необходимо поддерживать. Поистине героическую, полную самоотверженности политико-разъяснительную работу среди трудящихся масс в тылу Колчака проводили большевики-подпольщики.

Призывы большевиков нашли горячий отклик. На Алтае началась партизанская война, которую возглавляли большевики. Создавались крупные соединения, армии красных партизан.

В новой войне были проявлены высокий революционный героизм, самоотверженность, воспитанные у трудящихся Алтая большевиками на примерах таких борцов за власть Советов, как Присягин, Цаплин и другие.

В декабре 1919 года на Алтае под ударами молодой Красной Армии и красных партизан кончила свое постыдное существование колчаковщина. Восторжествовало дело, за которое отдал свою жизнь Матвей Константинович Цаплин: Советская власть была прочно и навсегда восстановлена на Алтае.

Прошли десятилетия, наполненные кипучей созидательной деятельностью советских людей под руководством Коммунистической партии. До неузнаваемости изменился облик Алтая. На бывшей окраине Барнаула и дальше от нее на север, где прошли в заточении последние дни жизни Цаплина, Присягина и их товарищей и где они приняли мученическую смерть от рук белогвардейских палачей, ныне раскинулся ведущий промышленный район города — Октябрьский. Там, где шумели березовые рощи, высятся трубы фабричных и заводских гигантов, протянулись многочисленные новые благоустроенные улицы. Одна из них носит имя Цаплина.

Все, что создано руками советских людей на Алтае, является вечным и лучшим памятником мужественным борцам, отдавшим свои светлые жизни за торжество идей социализма. Навсегда останутся в памяти потомков их имена, среди которых одним из первых стоит имя Матвея Константиновича Цаплина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
Первые шаги	5
Арест и ссылка	13
В Барнауле	27
За торжество Советов	44
Последние бои :	59

Бородкин Петр Антонович

М. К. ЦАПЛИН

Редактор *В. Попов*
Художественный редактор *Е. Гринь*
Технический редактор *Г. Чепуштанова*
Корректоры: *Г. Жданова, Л. Конева*

Сдано в набор 28. II. 1959 г. Подписано
к печати 16. III. 1959 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$ —
2,25=3,69 усл. п. л. - (3,59 уч.-изд. л. +
1 вклейка). Тираж 5000 экз. АГ 01511.
Заказ 617. Цена 95 к.

Алтайское книжное издательство:
Барнаул, Льва Толстого, 29.
Типография № 1 Полиграфиздата,
Барнаул, Льва Толстого, 29.

